

СМЕНА

19
1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Леван Санадзе.

БЫТЬ ВПЕРЕДИ

Когда Леван Санадзе в первый раз появился в Москве, ему шёл семнадцатый год. Он был учеником последнего класса средней школы.

Соревнования в беге на сто и тысячу метров на первенство Союза, в которых он стал победителем, привлекли среди юношей его возраста, съехавшихся на московский стадион «Динамо» со всех концов страны.

Посмотрите цифры тогдашних результатов Санадзе — они заслуживают внимания: тысяча метров в две минуты сорок восемь и пятьдесят секунд и сто метров в одиннадцать и девять десятых секунды.

В школе Санадзе был активным комсомольцем, его избрали старостой класса. Как и его сверстники, он посещал занятия в спортивном зале.

Наступили каникулы, хотелось отдохнуть, и Санадзе собралась поехать в деревню, на виноградники.

Он уже направлялся с чемоданом в руках на вокзал, когда неожиданно встретил тренера Лакербая, замечательного педагога, друга тбилисских ребят.

— Куда держишь путь? — спросил Лакербай.

— В деревню, — покраснев, отвечал Санадзе.

— А я на тебя рассчитывал, думал, что из тебя спортсмен будет.

— А теперь?

— Сам решай — начал ты хорошо, но уже зявл. И в деревню тебе задолжалось потому, что трудники показались занятия спортом. Это было правда. Лакербай видел его на скамье, читал то, что тот прятал глубоко в сердце, не решив признаться даже самому себе...

Санадзе не поехал в деревню. Начались усиленные занятия с Лакербаем. Спустя некоторое время Санадзе попал в Москву и

первые вступил на гаревую дорожку прославленного стадиона. Его результаты там мы уже знаем: Санадзе стал чемпионом.

По возвращении из Москвы он всю зиму исправно посещал уроки Лакербая.

Нужно сказать, что Лакербай умел завлекать своих учеников. Он устраивал игры на ловкость, на выносливость, на смелость, и это было здорово. Помимо этого шёл интеллект. Он и сам чувствовал, что в последние времена изменилась физиология: прежде, нечего греха тащить, был он парнем довольно неуклюжим, а сейчас совсем другое дело...

Система преподавания у Лакербая была построена на соревновании. Он советовал своим ученикам никогда не отказываться от состязаний. Ещё той же осенью Санадзе принял участие в первенстве среди взрослых. Там он улучшил свои результаты в стометровке, пробежав дистанцию в одиннадцать секунд и шесть десятых.

— Молодец, Лёва! — сказал Лакербай.

За Санадзе он держался особенно цепко. Видимо, этого паренка, так быстро усваивавшего приёмы

старт, вот входит в дистанцию и начинает полёт. Да, он летит над дорожкой, делая шаги как можно длиннее, такие, которые в спортивной литературе называются «маховыми».

Весна в Тбилиси наступает ранше, чем в Москве.

С первыми её признаками, с первыми клебесими дождичками на небе, Санадзе находит стадион. В то время он сдавал экзамены на аттестат зрелости, но это не мешало ему сердечно заниматься спортом.

Тогда, в дни испытаний, он улучшил свой спортивный результат — пробежал излюбленную дистанцию за одиннадцать секунд и две десятых. А в аттестате у него были записаны все пять строк.

Всё было хорошо, и, однако, национальный победитель ждал первую проверку.

В Тбилиси приехал Каракулов. Его звали посыпать как быстрого бегуна. В Оседе в беге на двести метров он показал лучшее время и в Москву вернулся с золотой медалью чемпиона Европы!

И вот Санадзе предстояла встреча с этим непревзойдённым

Леван Санадзе на старте.

Фото Ю. Чернышёва

бега, он решил готовиться к большому спортивному будущему.

Впрочем, не нужно было обладать пророческим даром, чтобы заметить в Санадзе главное — быстроту. О ней всякий раз свидетельствовали секундомеры.

Стометровая дистанция — показатель абсолютной доступной человеку скорости. Вот бегун берёт

мастером. Встреча эта не приспела успеха. Санадзе... Но, проиграв московскому юноше десять секунд, Санадзе покорчился на скамью.

В 1946 году он в последний раз выступил в разгаре юношества и снова оказался победителем. Успокоившись, так, что после этой победы, в первом же соревновании среди взрослых, Санадзе довелось опять

стремиться с Каракуловым. Из стадиона «Динамо» в Москве шёл физкультурный парад. Весьма бегунов вышли на старт стометровой дистанции.

Среди них были заслуженные Головкин, Каракулов и ещё пятеро сильнейших, не считая Санадзе.

И вот оказалось, что опыта у Санадзе недостаточно, что техники его не хватает. Он был пяттым. Что же случилось? Может быть, он достиг предела? И существует ли этот предел?

Все эти вопросы должен был разрешить тренер. Санадзе чувствовал, что он будто бы перешёл из средней школы в высшую, что и требования и постановка преподавания теперь должны стать иными.

Санадзе перешёл к заслуженному мастеру спорта Борису Дьячкову. Стодистантка заняла в его мастерской место у лучших мастеров с математической точностью. Только проникнувшись в законы такого построения, можно попытаться составить конкуренции Головкину или Каракулову.

Дьячков раскрыл Санадзе тайны этих законов. Разбив короткое расстояние на составляющие его элементы, они разчленяли каждый элемент в отдельности, не забывая, одновременно о взаимосвязях, так, чтобы выковырять из нерегулярных цепей где-либо звено — логическая продолжение предыдущего.

Три месяца шлифовали они технику, укрепляли силу ног Санадзе. В апреле вместе поехали в Леслиде и там, на берегу Чёрного моря, работали всё над тем же — над плавными переходами из старта в ударный шаг и из ударного — в маховый.

В мае 1948 года Санадзе прошёл старт на десять секунд быстрее, чем в Тбилиси. Это произошло в начале месяца, а уже в конце его, выступая в Тарту, он победил чемпиона Европы Каракулу. Результат Каракурова был десять секунд, и восьмь десятых, результат Санадзе — десять и семь.

А августе Санадзе завоевал звание чемпиона профсоюзов по лёгкой атлетике в беге на сто метров. В начале сентября на харьковском стадионе «Динамо» открылся чемпионат СССР по легкой атлетике — на первенство страны. В финальном беге на 100 метров снова встретились Каракулов, Головкин, Санадзе. Каракулов и Санадзе показали одинаковое время — 10,6 секунды. Кто же из них был первым?

На этот вопрос ответ был дан на другой день. Специальный оператор заснял эту волнующую состязание быстрейших бегунов. Проявили пёску. И тогда судейская коллегия признала победителем Каракурова...

Я познакомился с Санадзе на стадионе «Сталинец» в Москве. Был дождливый, хмурый день. Спортсмены, жившие там, готовились к соревнованиям на первенство СССР...

Сияя у своей палатки и глядя на затянутую тяжёлыми тучами небо, комсомолец отличный спортсмен, студент IV курса физико-математического института имени С. М. Кирова Леван Санадзе рассказал мне о том, как он стал легкоатлетом, как учился побеждать, быть впереди.

И. РАХТАНОВ

Скульптор Анатолий Крандневский-Файдыш за работой над композицией «Комсомольцы МТС», которую он готовит к юбилею ВЛКСМ.

Фото Г. Борисова

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Октябрь. № 19. 1948 год.

Год
издания
25-й

ВЕЛИКОЕ СЛОВО ЛЕНИНА

Напряжённые и радостные дни переживали наш славный комсомол, вся советская молодёжь. И те, которым ныне уже за сорок, также полны чувства какого-то особого волнения в связи с наступающим тридцатилетием ВЛКСМ. У них, партийных, государственных работников, деятелей народного хозяйства, культуры, искусства, уже седины на висках, но попрежнему близок и дорог им родной комсомол! Ведь это он, комсомол, под мудрым руководством партии коммунистов, под отцовским присмотром лучшего друга молодёжи — Иосифа Виссарионовича Сталина воспитал этих людей, сотни тысяч из них передали в ряды партии, сделав их людьми особого склада, выкрученными из особого материала, людьми, способными побеждать, способными отдать за свою народ, за свою партию всю свою кровь — каплю за каплей!

И поколения комсомольцев — новое и старое, — идущие в одной цепи строителей коммунизма, с полным правом могут повторить слова комсомольской поэмы:

«Ах, комсомол! Мы почки
Твоих раскидистых ветвей»

И вот ныне, когда эти почки дали цвет, прекраснее которого никто и никогда в мире не знала, особенно радостно отметить очередную годовщину великого слова Ленина, обращённого к комсомольцам.

Это было осенью 1920 года, через два года после образования Российской коммунистического союза молодёжи.

В тот незабываемый день, 4 октября, на трибуне III съезда комсомола поднялся гениальный вождь советского народа и всех тружеников В. И. Ленин.

Вспомним, какой это был год для нашей страны.

Молодая Советская республика ещё дрались на исключительных фронтах с войсками Антанты. В те дни польские шляхтичи захватили Новогрудок в Западной Белоруссии. Но шли бои с аргентинцами. Далеко на Востоке красные партизаны дрались против японских интервентов. Шли бои за освобождение Закавказья от яга буржуазных националистов-муссолинистов из Азербайджана, национал-меншиков из Грузии, дащиков в Армении.

Можно было ожидать, что в этих усогревах Ильяя посыпает свою речь задачами борьбы с Брангем, белоополяками, с национализмом голодом. Но не об этом говорил Ильяя. Ораженным взором своим Ленин смотрел далеко вперёд. Его интересовало будущее советского молодого поколения, которому суждено увидеть коммунистическое общество и самому строить это общество. Простоты, глубоко волнистыми словами Ильяя говорил молодёжи о том, что она должна учиться коммунизму, связывая каждый шаг своего учения и воспитания с трудом рабочих и крестьян. Он говорил о коммунистической морали и нравственности, о важности уметь объединить свой труд на благо Отчизны. Он говорил о комсомоле как об ударной

группе, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свою почин. «По мере того, — учил В. И. Ленин, — как будет развиваться коммунистическое соревнование, по мере того, как молодёжь будет доказывать, что она имеет объединить свой труд, — по мере этого успех коммунистического строительства будет обеспечен».

Воспитание коммунистической молодёжи, по мысли Ленина, состоит не в том, чтобы ей подносили «вещи увядательные речи и правила о нравственности». Основу коммунистического воспитания, образования и учения, основу коммунистической нравственности Ильяя видел в борьбе за укрепление и завершение коммунизма. «Нравственность служит для того, — говорил В. И. Ленин, — чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда».

«Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллиардов строителей, которых должен быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка. Без привлечения всей массы рабочих и крестьянской молодёжи к этому строительству коммунизма в коммунистического общества не построите». Так учил комсомольцев великий Ленин. Так учил и учит их повседневно великий продолжатель дела Ленина — наш родной Сталин, вышестоявший комсомол как абсолютные детище партии.

Готовясь к юбилею славного комсомола и оплакиваясь на прошедший им под руководством партии большевиков геронческий путь, приятно и радостно сознавать, что ленинские заветы комсомолу вошли в плоть и кровь советских юношей и девушек. Ни одно слово великого Ленина, обращённое 28 лет тому назад к комсомольцам, не забыто. Ильяя звал молодёжь готовиться к тому, «чтобы она сумела достроить и довершить то, что мы начали». Сумел ли комсомол справиться с этой грандиозной задачей?

Мы знаем, как ответна бы на этот вопрос сам Ленин.

«Комсомол всегда стоял у нас в первых рядах наших бойцов. Я не знаю случаев, когда бы он отставал у нас от событий нашей революционной жизни», — говорит товарищ Сталин, каждое слово которого мы воспринимаем, как слово самого Ленина.

Отмечая дату ленинской речи на III съезде РКСМ, назовём лишь некоторые имена, определяющие лицо сегодняшнего комсомола. Это не только Александр Матросов и Аида Чайкина, Виктор Талалихин и Зоя Космодемьянская и семидесятые других юношей и девушек, заслуживших звания Героя Советского Союза: это и Мария Волкова, и Надежда Конина, и Валентина Дианова, и Анна Кузнецова, и Павел Выксын, и Николай Лукичев, и Клавдия Зенова, и Давид Бронштейн, и Михаил Хмелько, и Алексей Недогонов, и Пётр Дейкин, и тысячи других славных представителей нашей молодёжи.

Своей практической работой они отмечают Ленину и Сталину, что не только готовы довершить дело своих отцов, но что они действительно идут в первую линию строителей коммунизма среди миллиардов строителей.

Можно не сомневаться в том, что эта первая ширьера будет расти и дальше из дня в день, развязывая творческую инициативу и почин советского юношества. Поэтому комсомол и называется ленинско-сталинским, что он всеми помыслами своим устремлён вперёд.

Его сила и бодрость духа неисчерпаемы, потому что руководит им партия Ленина — Сталина.

Руководство партии комсомол видит самое главное и самое важное, что обеспечивает ему доверие всей молодёжи, идущей руку об руку с отцами и матерями к коммунистическому завтра.

В этом руководстве — основа жизнедеятельности организаций ВЛКСМ как резерва и помощника нашей великой большевистской партии.

28 лет тому назад Ильяя с трибуны III съезда РКСМ пророчески предсказывал, что воспитывая коммунистически молодёжь, комсомол объединит своих членов «в одну армию труда и возбудит общее уважение к себе». Комсомол достиг этого. На его знамени — скромной три высших награды Родины. Центральный орган нашей партии «Правда» писала в сентябре 1948 года:

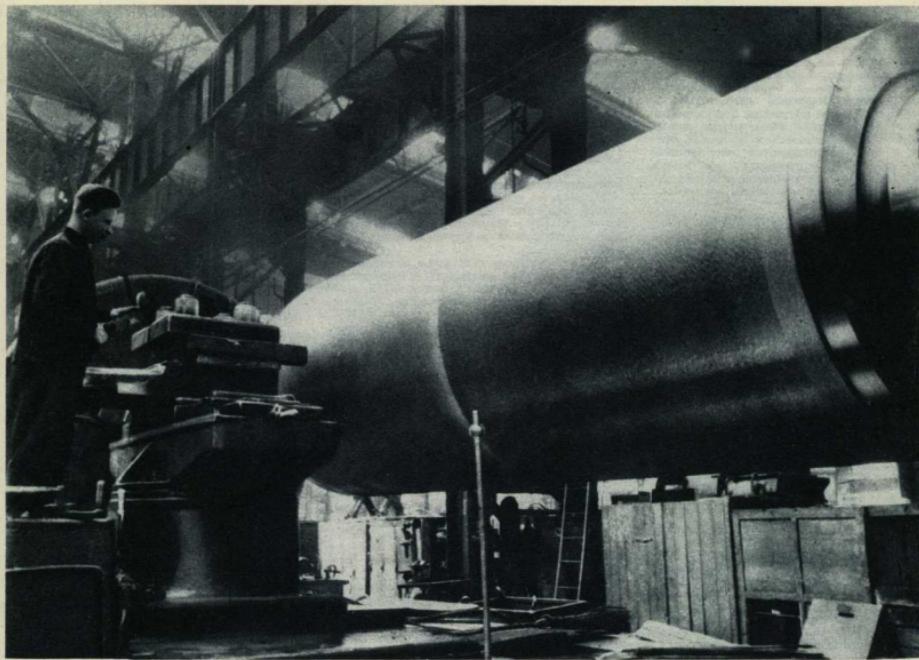
«Ленинско-сталинский комсомол, работающий под руководством партии, заслужил признательность и уважение народа за то, что он воспитывает у молодёжи благородные качества людей социалистического общества, сплачивает юношескую и девушескую нашу страну вокруг большевистской партии».

Для комсомола нет и быть не может ничего дороже этой оценки его деятельности.

Но похвала не вскружит голову комсомольцам. Наоборот, признание заслуг комсомола зовёт его к новым подвигам в борьбе за дело Ленина — Сталина. Комсомол проведёт подготовку и самое празднование 30-летия ВЛКСМ под знаком дальнейшего сплочения советской молодёжи вокруг большевистской партии, мобилизации комсомольцев и молодёжи на досрочное выполнение поставленной пятилетки, овладение передовой наукой, техникой и культурой, под знаком дальнейшего организационно-политического укрепления комсомольских организаций и улучшения их работы по воспитанию молодёжи в духе советского патриотизма. Так рассматривается партия задачи комсомола на нынешнем этапе.

Навстречу своему 30-летию ленинско-сталинский комсомол идёт бодрым, возмужавшим и окрепшим, расправляющим свои орлиные крылья.

Встретить свой юбилей достойно — такие сегодняшние помыслы комсомольцев и всей молодёжи.

Уралмаш. Шестьдесят шесть тонн весит вал турбины для одной из восстановленных электростанций Украины. Фото Дм. Бальтерманца

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

Главный инженер Уралмашзавода Сергея Иванова Сандбоя положил перед мной редкую фотографию.

...Уголок механоборочного цеха. На переднем плане странная машина, похожая на пушку. Группа рабочих окружала черноусого человека в белом кителе и в фуражке с красногвардейской звездой. Заложив руки за спину, чуть наклонив голову, человек внимательно слушает одного из уралмашевцев. Видимо, разговор идёт о производстве пушки, о её машине, которую показывают гостю рабочие.

— Год назад — четвёртый год, — сказала Самойлов. — Пушка Броузиса... Первая машина, которую основал наш завод.

Человек в белом кителе — Серго Орджоникидзе. Командарм тяжёлой индустрии принимал рапорт им поле бои.

— Кто были люди, сделавшие первый советский механизм для забивки лёгких донных печей?

Мы рассказывали о них и Самойлов и другие ветераны Уралмашзавода.

Это были молодые рабочие. Комсомольцы.

Многие из них ещё год — два назад были чернилобоими. Поэтому никто не умел чистить чертежей. Но именно они, комсомольцы, взяли шефство над основанием пушки Броузиса.

Серьёзным было это испытание. Столбы цилиндров пошли в брак из-за раковин мятых, из-за неточных расчётов! Сколько проповедал с шабровкой!

Работая, учились. Жадно интересовались всем: доменным процессом, назначением пушки, причинами конусности при небрежной обработке цилиндров.

Учиться не только технике. Как воздействовать на радионуходы? Рисовали плашки:

«Я ПРИЕМНЫЙ ЦИЛИНДР ПУШКИ БРОЗИСА, НЕ ОБРАБАТЫВАЮСЬ ПО ХАЛАТНОСТИ МАСТЕРА АНТИПИНА, ИЗ-ЗА ЧЕГО ЗДЕРЖИВАЮ СБОРКУ».

Вешаям такую плашку на незаконченный цилиндр.

Лодыриам посыпали горючесое зерно.

По всему цеху — расставили «пости контрола».

Когда наконец первая пушка, была смонтирована, поднята на стапель и «обойдя» мурзик-инспектора, пушка не давала выстрел. В один из цилиндров оказались задиры — они испортили работу.

Но комсомольцы не отступали! Снова отливали и расставляли части, придирчиво считали сотые миллиметра. Снова расставляли «пости контрола» и с яростью заносили на чёрную доску имена бракоделов.

И пришёл день... Это был день первого праздника. Столбы цилиндров, паскими и мелкими оркестров. Во главе колонны уралмашевцев медленно двигалась украшенная хлебом и кумачом автомашиной. На ней возышалась новенькая пушка Броузиса, выдержанная заводские испытания. И рядом с машиной, отныне снятой с экспорта, стояла её творцы — молодые рабочие Уралмаша: литецкий Иванов, ражечник Каткевич, сборщик Аникиев и другие.

Мне захотелось узнать о дальнейшей судьбе этих людей.

— Возьмите хотя бы Иванова, — сказал главный инженер. — Он теперь у нас начальник чугунолитейного цеха.

В чугунолитейном и Иванова не застал.

— Сегодня среда, — объяснили в цехе. — Товарищ Иванов на занятиях. Будет только вечером.

Я вышел из заводских ворот, пересек плац перед зданием Первого павильона.

Дом технической учёбы возвышался на углу, сверкал широкими окнами.

В коридорах здания стояла та особая настороженная тишина, за которой чувствовалась присутствие сотен людей, переполненных аудитории.

Начальник цеха решал у dosage задачу на сопротивление материалов.

В первые мы познакомились. Да, это был тот самый Иванов, что оставил пушку Брозуса... Помнишь ли он те дни? Первая птицетка! Разве её забудешь?

...Он приехал на стройку Уралмаша, когда мы уже работали над проектом первой земли, волны. В барахах замерзла вода. Задолг существовала ещё только в чертежах. Иванова посыпал подиодином кирпича. В альбомах вывали три стопы. Вместо четырёх повесили временные брезенты. В этом недостроенном цехе Иванов стал учеником инженера. А потом был бригадиром комсомольско-молодёжной бригады, помощником мастера, мастером...

— Вот видите, — сказал Иванов. — От ученика формовщики до начальника цеха. А учиться не бросал.

— Трудно? — спросил я.

— Трудно. Отставать никак нельзя! Мой заместитель Володя Пинк уже обогнал меня: заочно кончил индустриальный институт. Имя взял наших комсомольцев. Теперь молодёжь не та, что раньше. Но грамотности, по технической подготовленности не сравнят с прежней. Сейчас обяжут борьбу за экономику. Они во всё вникают: за программу, в график, в технологию... А я ведь руководитель! Приходит ко мне: «Иван Александрович, есть предложение на такой-то детали заменить сухую формовку сырой». Огромная будет выгода. Поэтому надо найти особый состав земли, чтобы формовки не разрушались. Помогите...

Снова засмеялся. Есть у меня такой молодёжный бригадир — Борисов. Он первый и применяя форму «высью». Оправдала себя на сто процентов.

Он помолчал, — это припомнил:

— Возьмите другое дело. У нас в спальнях пропадало в месяц до двухсот пятидесяти тонн металла. Мои комсомольцы стали следить, чтобы все остатки сливались в изложницы. Или — бронзовей альтий. Раньше посыпалась в механический цех отливки с большими напылами. Работа предложила поставить специальную пылесосную систему, посыпалась альтий другого по техническому весу. Опять-таки экономили!

Он снова сделал паузу и вдруг спрашивал:

— Ищем... Понимаете, ищем пути, чтобы выплыть из пыльницы в четыре года? И в том, как я это сказала, было весь человек, его партийных душа.

И если бы я и не знала, что Иванов в юности прошёл школу ленинского комсомола, я всё равно угадала бы в нём старого комсомольца.

Человек из поколения, к которому принадлежит Иванов, один из ведущих конструкторов Уралмаша, Георгий Лукич Химич, рассказывал мне, как он организовал свою работу над проектом первого советского рельсобалочного стана. Стан этот изготавливался Уралмашем для единой промышленности — птицетоки рельсобалочного цеха Ново-Тагильского завода.

Мы сидели в углу просторного бора, у рабочего стола Химича, заваленного скретками чертежей.

Химич часто отвлекался.

Подходили с вопросами конструкторы, работающие у вертикальных чертежных досок, звонившие из сборочного цеха, два раза его вызывая директор завода. Не эти помехи в нашей беседе только помогли мне лучше понять то, что рассказывал Химич, смуглый худощавый человек с живыми глазами, кожанина.

Он демобилизовался в августе 1945 года и вернулся на Уралмаш в то самое прошлого бора, где работал до войны.

Сначала ему показалось, что он разучился обращаться с речебным и циркулем, разучился не только чертить, но и пространственно мыслить.

Однако это было лишь проявлением его всевозможной требовательности к себе и большой скромности.

Первую же порученную работу Химич выполнял отлично. Это был проект стана

для прокатки полосового железа. Работу Химича показали приехавшему на Уралмаш московскому профессору, доктору технических наук Целикову. Профессор взял карапанда и надпись на угольке прочёл:

«**ПОДОБНОЕ МОГ СДЕЛАТЬ ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК, ВДОВОВЫЙ ИЗГОЛОДАВШИЙСЯ ПО КОНСТРУКТОРСКОЙ РАБОТЕ».**

Задание по «рельсобалке» Уралмаш получило летом сорока шестого года, вскоре после того, как Верховный Совет утвердил план экономического строительства.

Химич и его друг — электротехник Еремеев — посыпали в командирскую в Магнитогорск изучить работу заграничных и уральских станций.

В Магнитогорске они жили в ученом номере заводской гостиницы с холопами: меню: заочная кончил индустриальный институт. Имя взял наших комсомольцев. Теперь молодёжь не та, что раньше. Но грамотности, по технической подготовленности не сравнят с прежней. Сейчас обяжут борьбу за экономику. Они во всё вникают: за программу, в график, в технологию... А я ведь руководитель! Приходит ко мне: «Иван Александрович, есть предложение на такой-то детали заменить сухую формовку сырой». Огромная будет выгода. Поэтому надо найти особый состав земли, чтобы формовки не разрушались. Помогите...

Химичу и Еремееву были мысли этого номера, и плюшки на руках гостииной со статуей зверя в разваливающейся шинели, и розовое зарево над заводом, и весь этот город озяблений романтикой первой пятилетки.

Инженерами и мастерами работали многие из сверстников, знакомые по вузовским аудиториям, по комсомольским субботникам, до фронту.

В гигантском производстве Химич спрашивал мастеров:

- Как немецкий стан «Демаг»?
- Скрипки?
- А наш, уральцевский?

- Вашего мы не сажаем!

Это была высшая похвала. Если прокатчик говорит, что он «не сажает», как работает стан, — значит, стан работает хорошо.

Так зреяла у Химича и Еремеева мысль о возможности создать такую конструкцию, которая превзойдёт лучшие образцы зарубежных станов.

Вернувшись в Свердловск, они сразу взялись за работу.

Дни и ночи напролёт проксилили над проектом. Как бы снова вернулась яность — комсомольская яность с её дерзостью и самодержавностью. Но если тогда, в 1932—1934 годах, даже простое освоение пушки Брозуса было трудным делом, требовавшим напряжения всех покористов, то теперь они бросали вызов технике капиталистического мира, они создавали нечто новое и неизданное в мировом прокатостроении!

Византии Химич попросил извинения, снял трубку. Я услышала его разговор с начальником механического цеха: Георгий Лукич требовал, чтобы детали № 2140 занята дана была на сборку.

— Приходится иногда ругаться с производственниками, — сказал конструктор, — чтобы трубку. — Не можем представить всей сложности нашей работы. Стан — это более двухсот отдельных машин, узлов и агрегатов. Их надо связать в одно целое, обеспечить сплавление, точно рассчитать машины, чтобы не было перегрузки схемы. Не будет гордиться хотя бы самим неизменяется из машин — не пойдёт весь стан.

Тогда у Химича тихий и мягкий. Говорит просто, без всяких рассеков.

— Работа идёт лесенкой, со ступеньками на ступеньки. Продумываю общий план узла, отдаю на детализацию, а сам решая следующий узел. Понимаете, какую ответственность мы берём на себя? Но ведь сроки птицетки не растянишь, их можно только скжимать. Стан должен бытьпущен в конце этого года. Так мы обещали товарищу Ставину. Нашим комсомольским узлам монтируют готовые части в Нижнем Тагиле.

Я заметила, что запуск новых, неизвестных конструкций связан с известным техническим риском.

— Совершенно верно — в тёмных глазах Химича блеснул огонёк и в голосе вдруг зазубрились металлические потеки. — А разве партия не учит нас не бояться риска,

смело видяи заветную трудность и побеждая их. Ведь мы солдаты техники коммунизма! Коммунизм! А есть ещё люди, которые боятся любого новшества. Недавно приехало к нам несколько инженеров из Нижнего Тагила принимать чертежи. Показывали им гибчую машину. И вот находятся один мудрец. Начинает расспросовывать нас о теме, что, мол, с этой стороны, например, ходят, но, с другой стороны, не лучше ли без неё, потому что основы... ей будет трудно, а реальность можно выпустить и без этой машины...

— Что же вы ему отвечали?

— А я ему сказал прямое: «С таким взглядишь вам цех не пустят».

Химич вынул папиросу, молча закурил. Его тонкие пальцы чуть дрожали.

— И ещё вот что я тогда сказала: «Мы, уральцы, вложили много сил в «рельсобалку». И мы не простили эксплуататорам, если они не сумеют выжать из машин всё, что машины должны дать по рабочей!»

Нет, этот старый комсомолец не был добродушным мечтателем. Прежде всего это был борец.

От пушки Брозуса до стана Химича — это не только одно из крупнейших залогов технического прогресса, это и значительная глава истории уральского комсомола. Есть волынщик смысла в той преемственности боевого комсомольского духа, который ощущался в нынешних идеях молодёжи Уралмаша.

Снова познакомилась в цехах комсомольские чистоты «контроля»: за прохождением каждой детали для рельсобалочного стана следят сотни глаз. Я встречал комсомольских контролёров в коридорах мастеров, на складах, в кабинетах руководителей цехов. Юноши и девушки делают, с информацией в руках, говорили о производственных исполнителях, требовали их устранения.

Задача — уметь и тех комсомольцев-уральцев, которые добровольно поехали в Нижний Тагил, чтобы начать монтаж рельсобалочного цеха.

От Свердловска до Нижнего Тагила зеколько часов езды.

Стройка. Несезоннических цехов расстилается на километр. Мы идём к тем пролётам, где уже начали монтировать оборудование. Над головой скользят краны. Работы снижают сигнализируют крановщикам, осторожно отцепляют от металлических пророс громоздкие детали.

Возле класти встречаю уральцевского мастера Василия Химича Ведых. Справа — комсомольский кочегар, который сопровождал крановщиком: «Это они спрашивают о машине?»

— Тут такое дело было, — говорит Василий Михеевич. — Надо было побыстрее подогнать тяжёлую трансверз к стапелю. Сложная операция. Полагается смыть часы по норме. Комсомольцы сделали за двадцать. Сознательные холопы! Пока сменное задание не выполнит, не зайдут домой, хоть ты что.

Подошёл бригадир монтажников Пётр Слабун:

— Завтра заканчиваем монтаж наружного устройства. А что будем делать дальше? Видите, ешё бетонировка не закончена. Надо писать в газету. И «молния» выпустит!

Бравдильсья в лицо Слабуну, я думал о том, что он был октобрёнком, когда Иванов, Химич и другие Боролись в цехах Уралмаша за выпуск первой пушки Брозуса. Да, он был тогда малышиком. Но всё лучше, что есть в традициях заводского комсомола, — боевой напор, инициатива, желание быть «на линии огня», на самых трудных, решающих участках. И всё это он целиком передал от старшего поколения.

Посмотрите, вот оценка наших друзей:

— Я поднял голову и увидел за окном золотистую бахрому знамя. Оно было прикреплено к подиумной балке.

— За победу в соревновании, — говорит Пётр Слабун, — переходящие знамя горкома комсомола. Мы дали слово не отдать его никому!

Друзья.

Цветное фото И. Шагина.

Д. МЕДВЕДЕВ,
Герой Советского Союза

СВЯЗНОЙ

ИЗ РАССКАЗОВ, ПОСТУПИВШИХ НА КОНКУРС

Огромный массив лиственного леса, слущивший приютом для нашего партизанского отряда, быстро оголялся. И хотя осенний лес по-своему привлекателен, он не радовал даже самых поэтически настроенных из нас: мы оставались без «крыши». Леди и лагерные сооружения стали видны с воздуха и могли послужить хорошим минометным или браческим самолетом. Оно и дело послышалась над лесом в поисках партизан. Мы перебрались «на зимние квартиры» — под густые ветви хвойного леса.

Замполит Сергей Трофимович Стехов, отрядный врач Цесарского и я сидели у штабного костра и обсуждали план строительства нового лагеря.

Многое нужно было предусмотреть, чтобы избежать ошибок, которых могли нам дорого стоить.

— Разрешите доложить, товарищ командир! — обратился ко мне городской разведчик Митя Лисекин: он только что вернулся из города Ровно.

— Слушаю вас.

— Я привёз свеженого от одного из партизанских отрядов Винницкой области.

— Где вы его нашли?

— Он сам разыскал меня в городе на яичной квартире у часовного мастера.

— От Винницы до нас далаековато... Километров, пожалуй, до пятисот будет... Он что: искал именно наш отряд?

— Так точно!

— Зачем же мы ему понадобились?

— Он мне ничего говорить не стал. Проводил, поговорил, меня до полковника Медведева я ему всё рассказал.

— Странно... Где же он?

— За постом. Прикажите привести?

— Да, странный тип, — заметил Цесарский, когда Лисекин ушёл. — Уж не алзучтик ли? Немцы, небось, интересуются нашим новым местом.

— Посмотрим... — сказал Стехов, тоже, видимо, заподозривший что-то неладное.

Мы снова углублялись в обсуждение своего плана. За разговором мы и не заметили, как вернулся Лисекин.

— Привёл, товарищ командир. Вот он! — и развернулся указка на стоявшего поодаль мальчугана.

«Вот тебе и алзучик!» — подумала я, разглядывая приближающегося к нам хлопчика. Он был маленький роста, пухленький. Детское лицо с имяками из щеках озарялось голубыми глазами, которые серьёзно глядело на меня, то из Стехова, то из Цесарского, смотревших на него с нескрываемым любопытством.

— Сколько же тебе лет? — спросил Цесарский.

— Грицадатый.
— А зовут как?
— Володя Саморуха.
— Ты из Винницы?

— Ни...
— А откуда?

Мальчик явно не хотел отвечать на этот вопрос.

— Ты расскажешь, не бойся, здесь все свои, — ласково ободрил его Стехов.

— Ни... я могу тиалки полковнику Медведеву.

И, несмотря на то что я и другие просили его рассказывать, Володя отказался: до тех пор, пока все не отошли, оставил у костра нас двоих, меня и Володю.

— Уmons до вас пакет, — с гордостью сказал Володя.

И, ещё раз убедившись, что на нас никто не смотрит, он снял фуражку, рас-

порол подкладку, вынула оттуда измятый конверт и подала его мне.

На конверте никаких надписей не было.

От Володи не ускользнуло, что я обратил на это внимание. Он пояснил:

— Вон и в письме не пишут: полковнику Медведеву. Но это до вас! Вонизказа, щоб я так замятав ваше привычное.

Письмо, действительно, начиналось словами: «Дорогой товарищ!» В нём сообщалось, что подастесь письма направляемется следом с официальным ответом.

«Мы действуем здесь в 1942 году, но у нас нет связи с «Большой землёй». Прежде мы были связаны с винницким подпольем. После его провала остались без руководства. Нам хочется связаться с Москвой и получать указания, куда направлять наши удары по врагу. Помогите нам установить эту связь».

— А вы часто в Москве бываете? — спросил Володя, когда я кончил читать.

— Нет. А что?

— Та я бачу: орден у вас новенький. Вы мене, як там пишут, до Москвы выправылись, а потім я пшынько повернулся до вас, я тэх хоту заслужыты ордена.

— Ты что же, думаешь, так просто от нас в Москву слетать и обратно?

— В такому разы я до Москвы не полечу... сразу решай мальчуган, — у вас останусь. Вы дадите мени автомата?

— Ну, хорошо, а если бы ты потерял фуражку? Как же ты прышёл бы к нам без письма?

— У мене е другій пакет... — сказа Володя и, снова сомотривши по сторонам, распорол подкладку своего сналько поношенного пиджака; помедлив, как бы что-то соображая, он вынула оттуда второе письмо.

— Визмить, — сказал он. — Хот' вин и до Москвы... туды я ни за что не поеду. Тилько прошу видправыты юго до Моксы.

Это письмо было написано химическим карандашом на плотне. Командование партизанского соединения просило в нём сбросить к ним радисты с радиостанцией, указывало свои координаты и условные сигналы.

В тот же день наши радисты передали первое письмо в Москву. Отправить Володя к нам было рискованно и нецелесообразно. Он выпущен был оставаться у нас и, по моему распоряжению, был записан в нашу украинскую роту. Ему выдали трофейный карабин.

Выполняя обязанности адъютанта командира роты, Володя был на выполнении всех заданий, какие давались этому подразделению. Всё в нашем отряде удивлялось: Володя — большое количество автомобилей и строгая дисциплина, и дружеские песни у костров, и частые боевые походы. На усталость он никогда не жаловался, и улыбка не склонялась с его лица.

— Берегите хлопники, — неоднократно говорили командику роты я и Стехов. — Как он себе ведёт?

— Хорошо! Смыслил ленивый парнишка. А какой выносильный! Да-

же силой его на повозку не посадишь, веёшиком!

— Еши бы! Ведь он из Винницкой области — из нас пешком дойдёт. Восемнадцать дней по шильям, голодный...

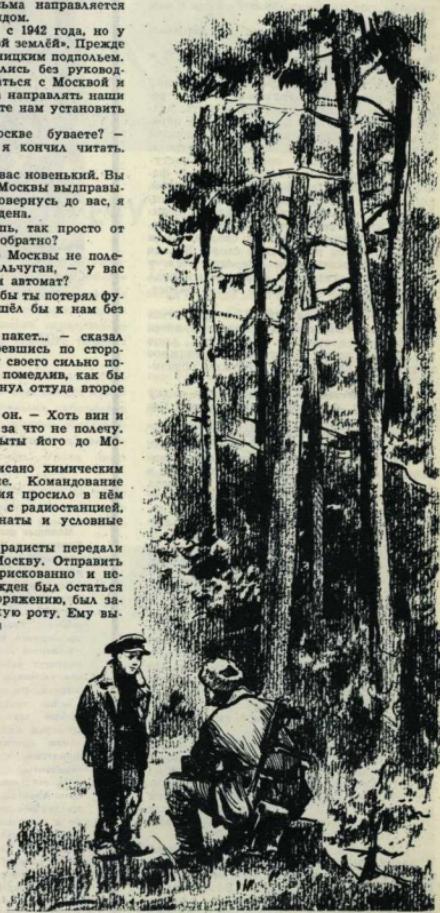
После большого боя, выпавшего на долю украинской роты и с частью её выхваниенной из отряда, я увидел одиночного сидящего на пензне Володю. Сидел он скучный, не по возрасту изобличенный.

— Чего, напугалась? — спросила я его.

— Ни...

— А чего же ты надулся?

— Да вот, товарищ полковник... — с тем же изобличенным видом отвечал Володя, — мени тут у вас добре. Та тому загону, де мий батько, навыт, ще й доси дуже погано. Нема у них автоматив, тиалки

— Сколько же тебе лет?

Рисунок В. Богаткина

гвоздишки та дробовики... Коли б я поделтів то до Москви, мобути, и им лягти вже скинули б автомобіль. Я не виконав своє завдання...

— Как же не выполни! — удивился я. — Ведь это письмо, которое ты нам пришёл, мы тогда же передали в Москву. Это всё равно, что ты сам там побывал.

Володя посмотрел на меня пристально. То ли он не понял смысл моих слов, то ли его мысли о нарушении советы, во всяком случае, после этого разговора он никакой роли при встрече со мной спрашивал, правда ли, что письмо в Москве и нет ли ответа.

Ответа не было. Не проходило дня, чтобы Володя не наведывался к радиостанции, но и те не могли ничем его порадовать.

Однажды Митя Алексеин пришёл ко мне обеспокоенный:

— Уходить собрался наш холпчик. Я уж его уговаривала и страшас — ничего не помогает. Одеялся, взял карабин и хочет с своим, под Винницу. Да вот он сам к вам идёт.

— Тебе, что же, у нас не понравилось? — спросила я Володю.

— У нас тут гарно, да там не дуже. Я ж завдання не виконав.

Он так искренно уверовал в свою вину перед отцом и его отрядом и с такой решимостью собрался в обратный путь, долгий и опасный, что я отчаялась его переубедить и со строгостью в голосе приказала ему, бойцу Саморуха, оставаться в отряде.

...Советская Армия победоносно наступала, освобождая сопокушенных фашистской нечистью. Но днём и вечером, когда Москву покрывали сводки Солженицына, после земликов радиостанций собирались множество партизан. Трудно передать, чем были для нас эти сводки. Люди слушали, боясь пропустить слово. Володя неизменно оказывался впереди всех, у самого репродуктора, и бурно реагировал на каждую фразу, нёсшую новое радостное сообщение.

Но вот он услышал, что от фашистов освобождена Винницкая область. И впервые за долгое время я увидела на лице малячугана то же изабоченное, тревожное выражение, которое уже однажды поразило меня.

— Где же теперь твой загин, в якому мый батько? — задумчиво проговорил Володя.

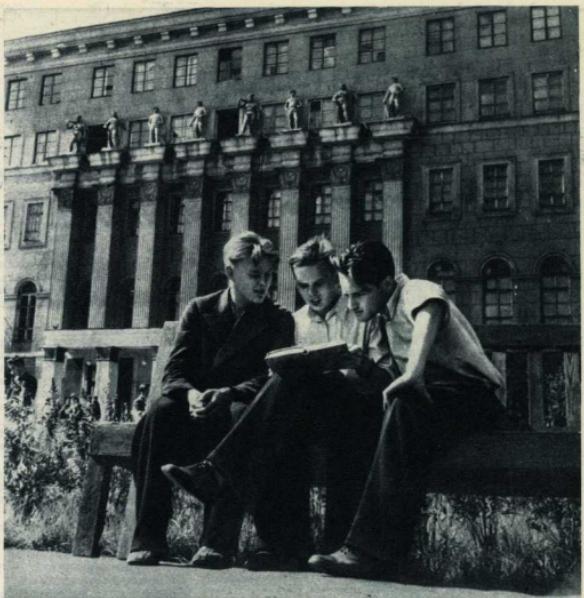
Я старалася, как мог, успокоить его, обнадеживая, уверяя, что всё будет хорошо, что отряд уже, наверно, соединился с кадровыми войсками и, должно быть, идет в нашу сторону. Но и на этот раз мои слова не успокоили Володю. Чувствовалася у него неуверенность в том, как я их говорила, показалася ли ами самы доводы неудобительными или же он увидел за ними желание только покушати, еле забыть, что стоял с ним и с отрядом. А в 1946 году я получила письмо. Отец Володя, Пётр Алексеевич Саморуха, писал мне, что Володя жив и здоров. Он благородна меня и моих партизан за работу о єго сыне.

Февраль 1944 года наш отряд вышел из тыла врага в тыл Советской Армии. Володя поехал на родину. Он хотел поскорее разыскать своего отца, узнать, что стало с ним и с отрядом. А в 1946 году я получила письмо. Отец Володя, Пётр Алексеевич Саморуха, писал мне, что Володя жив и здоров. Он благородна меня и моих партизан за работу о єго сыне.

Из этого письма я узнала, что напрасно Володя беспокоился. Данное им задание он выполнил отлично.

«Вокори после того, как Володя нашів вас, — писал мне его отец, — в распорядженії якого-то з Москви, відбільші дослал. Нам єбром тогда автомобіль, боєприпасы, взрывчатые матеріали и двух радиостанций с радиостанциями. С тех пор отряд имени Ленина был связан с «Вольшою землею».

Представляла своих товарищ-партизан и правительственные награды, я не знал и о Володе. Вспоминалась мне тогда и первая наша встреча, когда Володя отказался літати в Москву и остался с нами. Володя Саморуха награждён орденом Красной звезды и партизанской медалью I степени. Он их заслужил.

Студенты — бывшие шахтёры (слева направо): И. Мельниченко, А. Кочетков и М. Михеев перед зданием Горного института имени Сталина.

Фото А. Левитана

ШАХТЕРЫ В ИНСТИТУТЕ

Молодые шахтёры Дмитрий Салон, Алексей Кочетков и Иван Мельниченко в этом учебном году стали студентами Московского горного института имени Сталина.

Все трое приехали из Караганды. Решение стать горными инженерами пришло к ним не случайно: это было естественное и закономерное продолжение твёрдо выбранного жизненного пути.

Белорусс Дмитрий Салон до поступления в институт работал инспектором по качеству коксующихся углей, отрабатываемых в Магнитогорске. От поступки на горный факультет.

— Вы знаете, как называют «глазами и ушами шахты»? — говорит первокурсник Дмитрий Салон. — Маркшейдеры! Но окончание института и хочу работать маркшейдером, прокладывать в шахтах новые горизонты.

На студенческой скамье крепко подружились Алексей Кочетков и Иван Мельниченко. Их дружбу питают не только дух землекопства, но и хвосто судьбы. Оба они начали работать в шахте на взаимообщителями, потом выучились на электрослесарей. Успешно сочетая работу с занятиями в вечерней школе рабочей молодёжи, они весной этого года получили attestates зрелости. Сейчас Кочетков и Мельниченко — студенты электромеханического факультета.

Карагандинцы Салон, Кочетков и Мельниченко не представляют исключения среди

студентов нового набора. Десятки молодых шахтёров из Донбасса и Приморья, шахт Подмосковного бассейна и Кузбасса стали студентами одного из лучших высших учебных заведений столицы.

Почётным студентом Горного института имени Сталина много лет был наш всеукраинский староста — Михаил Иванович Калинин, в кабинете директора и сейчас висят в прогресс, скромной рамке анкета, заполненная рукой Михаила Ивановича 3 марта 1923 года.

Институт существует без малого тридцать лет. За эти годы он выпустил свыше трёх тысяч высоквалифицированных инженеров для нашей горнодобывающей промышленности. Только в минувшем году институт окончил десет пятидесяти человек. Молодые инженеры выехали работать глазами образом на шахты Ботсека — на Урал, в Кузбасс, Приморье.

«За время войны каждый советский человек отчайливо представлял себе, что танки, самолёты, пушки — это победа. Надо уяснить себе, что сегодня наша победа на фронте мирного социалистического строительства — это уголок».

Эти слова с большого плаката, вывешенного в институте, постоянно напоминают студентам, что они после окончания института будут не просто инженерами, а комицдами передовой армии бойцов за победу коммунизма в нашей стране.

ХУДОЖНИКИ КОМСОМОЛУ

В дни празднования 30-летия Всесоюзного Коммунистического Союза Молодёжи в Москве открывается большая художественная выставка живописи, скульптуры и графики, организованная Комитетом по делам искусств при Совете министров СССР и ЦК ВЛКСМ.

Роль партии в руководстве комсомола за-печатлена в работах: С. Дудника — «В. И. Ленин на III съезде РКСМ», В. Коновалова — «И. В. Сталин на VIII съезде ВЛКСМ» и В. Цыплакова — «М. И. Калинин среди молодёжи».

Торжественный момент вручения медали «Золотая Звезда» Героям Социалистического Труда, передовикам сельского хозяйства, изображена лауреатом Сталинской премии А. Бубновым. Этой же теме колхозного строительства и роли в нём комсомола посвящена акварель лауреата Сталинской премии А. Пластва «Хлеб фронту».

Из эпохи гражданской войны взята тема для своей работы лауреат Сталинской премии Б. Дехтерев; клятву молодогвардейцев изобразил художник В. Одищев.

В столице со всех концов нашей необъятной страны поступают работы художников. Среди авторов работ много молодёжи. Нет почти ни одной живопрепещущей темы современности, которую не затронуты бы в своих произведениях молодые художники. Им свойственен внимательный подход к теме, стремление идею обобщить образ.

В работах на нашла своё отражение и героника Отечественной войны и самоотверженный труд советских людей на восстановлении предпринятых, разрушенных врагом.

Среди отобранных для выставки картин — «Владимир Ильин Ленин», В. Цыплакова и «Залы «Аврора» С. Дудника. Художникам хорошо удалось передать величественные, полные героической значимости образы вождей революции. Большое полотно лауреата Сталинской премии молодого художника М. Хемелько «За великий русский народ» будет также показано на организованной выставке. В экспозицию включены и картины других лауреатов Сталинской премии — украинских художников: Г. Меликова — «Молодой Тарас Шевченко» на художника К. П. Брюллова» и В. Пузирькова — «Черноморцы».

Ряд произведений молодых художников, получивших положительную оценку художественной общественности, займет свои места на юбилейной выставке.

Среди них картины: «Колхозное собрание. Кубань» В. Нешитабо, «Колхозная кузница» Д. Течина, «Высокая награда» Ю. Кугача, «Хозяева земли» А. Максименко, «Кузнеично-прессовый цех» А. Грицац, графическая серия, посвящённая теме труда, «Донбасс восстанавливается», стalingрадские работы участника Великой Отечественной войны П. Баранова, скульптуры И. Перешидчева, В. Цигаглия и Л. Кербеля.

Советская общественность, требующая от молодых мастеров творческого горения, высокого искусства, проникнутого большевистской идеальностью, с большим интересом ждёт этой выставки.

НАВСТРЕЧУ ЮБИЛЕЮ

Молодёжь всей страны с особым энтузиазмом готовится к встрече 30-летнего юбилея ВЛКСМ. На заводах и фабриках, на колхозных полях и машинно-тракторных станциях широко развернулось социалистическое соревнование за досрочное выполнение годового плана к 29 октября.

Радостные вести о трудовых победах молодых патротов приходят со всех концов нашей Родины. Вслед за молодёжными собраниеми на «Сортире и Молоте» повышенных обязательств взяли на себя комсомольцы «Электросилы», заводов Сталинграда, Урала, шахт Донбасса и Караганды.

На всех участках народного хозяйства молодые патриоты несут трудовой вахту. И каждые килограммы дополнительно выплавленного

металла, каждый метр ткани, каждый станок, выпущенные ими досрочно, — ценный вклад в общее дело борьбы за расцвет социалистической Отчизны, лучший подарок матери-Родине в честь 30-летия Ленинско-Сталинского Комсомола.

Молодой ставдар Магнитогорского металлургического комбината комсомолец Пётр Лапев к юбилею ВЛКСМ обязался дать сверх плана 2 тысячи тонн стали, сварив 15 скоростных плавок (фото вверху); комсомольцы, горновые металлургического завода имени Ворошилова (город Ворошиловск) Николай Ванин и Алексей Сычев, ставшие на стахановскую вахту в честь 30-летия Комсомола.

Фото В. Георгиева, Л. Леснухина

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Широкая донецкая степь. Лёгкий ветер колышет жухлую степную траву... Пeregоняя друг друга, бегут нам навстречу девушки. Вот они уже совсем близко. Нам ясно видны их задорные, раскрасневшиеся лица. Мы безошибочно различаем, кто из них Ульяна Громова, кто Валя Филатова, кто Вырикова.

Так с самых первых кадров киноповести «Молодая гвардия» зрителям безоговорочно привыкают действующим лицам фильма, как старым своим знакомым.

Мало кто из наших людей не знает истории «Молодой гвардии», мало найдётся не читавших одноимённого романа А. Фадеева.

Естественно, что воображение читателей нарисовало уже любимины образы молодогвардейцев, дополнив фантастические портреты щедрой своей фантазией. Приходи в зрительный зал театра или кино, зри там, надеется увидеть любимики героев именно такими, какими он нарисовал их себе.

Мы опасались некоторого разочарования перед просмотром кинофильма «Молодая гвардия».

Но самые первые кадры успокоили нас, а потом мы забыли, что находимся в зрительном зале. Будто кто-то властной рукой взял нас и повёл в жизнь, посыпая в самое сокровенное тайны её.

Труппа рассказывала о жизни о современности. Трудно играть для зрителя, который сам – свидетель, участник или герой этих событий. Тут нужно быть абсолютно честным и правдивым. Настолько скажи ещё в сознании людей всё пережитое, что даже малейшая фальшивка, идущая с экрана, подмечается зрителем.

Большой художник, Сергей Герасимов хорошо знал эти истоки, когда брался за такое ответственное дело, как актёрский состав «Молодой гвардии». Поэтому от первого до последнего кадра Герасимов ни на минуту не отходит от действительности. И встали во весь рост легендарные герои «Молодой гвардии»: трезвый и страстный Кошевый (артист В. Иванов), задумчивая и волевая Уля Громова (артистка Н. Мордкович), дерзкий в своей смелости Серёжа Тюленев (артист С. Гурзо), отчаянная и задорная Люба Шевцова (артистка И. Макарова).

Святотатствистический достоверности, художники не ограничили себя в выборе изобразительных средств. О «Молодой гвардии» можно сказать, что это богатый, щедрый фильм.

Так неподдельны и естественны в своей игре актёры, так они подкупающе искренни и убедительны, что удивляешься, откуда у них эта доступная лишии самым большим мастерам «великим» правда жизни».

Удивляешься, глядя на них, лишь начинавших свой творческий путь, как тонко раскрыта ими психология героев – то, что великий Станиславский называл «жизнь человеческого духа» и что ставил он выше всего в искусстве актёра.

Исполнители всех ролей молодогвардейцев – студенты Государственного института кинематографии. Вряд ли кому-либо из них предстоит драматический успех. Этот фильм – их дипломная работа, сыгранная в «Молодой гвардии», первом же испытании.

Откуда же пришло это мастерство? Или тут что-нибудь другое, давшее не менее радостные результаты? Чтобы разобраться во всём этом, необходимо проследить, как

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Новый художественный фильм в двух сериях.
Автор сценария — режиссер С. Герасимов, главный оператор — А. Бородин, музыка композитора Д. Шостаковича. Производство московской студии имени М. Горького. 1948.

создавался фильм и кто эти люди, сделавшие его.

Советская молодёжь пользуется заслуженным авторитетом у нашего народа. Юноши и девушки, умудрённые опытом Великой Отечественной войны, с первых лет войны выдающимися спортивными сталинским витязем, стали лётчиками, инженерами, военными строителями, стали атлетами плана. Партия смело выдвигает молодёжь на самые ответственные участки.

Сергей Аполлонович Герасимов не побоялся доверить сложные и ответственные роли в своих новых фильмах молодым актёрам. Кому, как не им сверстникам молодогвардейцев, формировавшимися в тех же условиях, что и героям «Молодой гвардии», было до конца раскрыть их психологии, донести до зрителя сложную природу подвига?

Владимир Иванов, исполнитель роли Олега Кошевого, — бывший командир отряда разведчиков. Трижды он лежал в госпитале. Иванов пришёл в институт с войной, он видел жизнь и эту жизнь вдохнула в свою первую роль. Володя вспоминает первый разговор с Герасимовым. Сергей Аполлонович спросил его, каковы его планы на приводку за время учёбы в институте, что он собирается съгнать в будущем: режиссёра интересовал главным образом, что видел и что пережил этот человек. И когда Иванов сказал, что он работал комсомором в строительном полку, для Герасимова это открытие было праздничным.

— Я ничего не придумывала в своей роли, — говорит Иванов. — Я только эмоционально вспоминала виденное и пережитое.

В первом варианте сценария роль Кошевого была настолько статична. От произносящих речи, направляющих работу организаций, руководства молодогвардейцами, но мало что делала сама. Эта внешняя статичность не давала покоя Володе Иванову. Он не выдержал и пришёл к Герасимову:

— На фронте по времи атаки мы втыкали флаги в занятые траншеи врага. Каждый же авторитетом среди комсомольцев будет пользоваться комсомор, если он сам не выйдет из строя, воткнёт флаг в вражескую пропасть!

Так в фильме вошли сцены, в которых Кошевый склоняет смычки, участвует в операции под ложем немецкой биржи.

Жизнь, которая всегда шире любви фантазии, вела творческий коллектива фильма по правильному пути.

Сергей Гурзу, играющий Сербжу Ткаченко, — бывший фронтовик. Глеб Романцов, исполнитель роли Турукчена, был шофёром — водителем машиной из I Украинского фронта. Серебренников, создавший образ Валько, тоже участник Великой Отечественной войны. Нонна Мордюкова (Ульяна Громова в фильме) — бывшая трактористка, колхозница из под Ейска.

Всё пережитое ими за годы войны молодые актёры вложили в свою роль. Жизненный опыт предостерёг их от лжи и фальши.

«Стоп! Не враты!». Эти три слова стали девизом с самых первых дней работы. А начались работы совсем не с того, с чего обычно начинают у нас делать фильмы.

Молодые режиссёры Государственного института кинематографии Юрий Балакин, Н. Розанов, Ю. Победоносцев, В. Балеев, С. Эдельштейн, М. Бегалин, Т. Анонова отобрали несколько отрывков из романа А. Фадеева. Вместе со студентами актёрского факультета они самостоятельно приготовили их. В то время ещё не было сценариев будущего фильма. Количеством отрывков всё увеличивалось. В результате суммы всех отрывков исчислялись по скотчам. В финале роман был и даётся полный вариант сценария.

Летом 1946 года группа молодых режиссёров отправилась в Краснодон. Они собрали весь дополнительный материал к фильму. Молодые режиссёры наметили места будущих съёмок, привлекли массу людей — очевидцев деятельности «Молодой гвардии».

Из Краснодона в Москву было доставлено более тысячи документальных фотографий, которые послужили основой для работы художника и постановщика фильма.

Кроме этого режиссёрам удалось записать большое количество воспоминаний членов семей краснодонцев и просто жителей города. Из этих воспоминаний сложились литературные портреты героев «Молодой гвардии». Они помогли сценаристам фабриковать сюжетную линию.

Герасимов в принципе отказался от папилических съёмок. Съёмки были перенесены на натуре, в Краснодон, куда выехала книгоупруга «Молодой гвардии». Каждый участник фильма поселился в семье, где когда-то жил прототип его образа. Места краснодонцев называли актёров «сыночками и дочурками». Они находили в каждом шагу изображение обстановки и предметов, которых не наблюдало в жизни героя. Такого высшего проникновения в природу образа, пожалуй, не знало ещё мировое театральное искусство. Разве это можно было сфальшивить, отойти от истины?

Владимир Иванов поселился в семье Кошевых. Бабушка Веря рассказала ему все сказки, которые когда-то рассказывала Олегу. Она даже запомнила последние стихи, которые Олег подавал матери, уходя через фронт. Молодой актёр много бродил по изысканным краснодонским улицам, а рядом с ним шла Нина Ивановская — подруга Олега.

— Помню, сидели мы с Олегом на этом же крылечке, тоже же лаяли собаки, так же переговаривались сверчки, — говорила Нина Ивановская.

Актёр представляла себя в этот момент «Камчатка». И это было правдой, как нарисовал её кинорежиссёр альбомной гравюрой «Молодой гвардии».

Образы молодогвардейцев — это образы кристальной партийной чистоты. И невозможно было актёрам создавать их, не поднимаясь самим до высокого морально-политического уровня молодогвардейцев. Много было работы на съёмках. Зачастую

рабочий день длился по 16–20 часов, но всё равно не помешало комсомольской организации книгоупруги «Молодой гвардии» жить настоящей, полнокровной жизнью. Комсомольцы провели с насељением сорок дней в Краснодоне. Они давали концерты для жителей города и воинских частей, принимавших участие в съёмках фильма. Своими руками комсомольцы построили «красный уголок», там они встречались с краснодонцами и многочисленными экскурсантами, приезжавшими в этот легендарный город. Работа комсомольской организации группы Герасимова стала для съёмки статьей. Главное, что она спасла фильм от необычайному подъёму, который царил в коллективе от начала до конца съёмок.

Даже исполнители центральных ролей, снявшись в отредактированном, добросовестно отправляясь на другой объект и с лотками в руках вместе с рабочими готовили его для съёмки. В коллективе строго соблюдалась правило: «Всё для фильма! Не отвлекайся, не отвлекайся, не отвлекайся!»

На всю жизнь запомнился съёмщикам этого кинофильма ту заботу и внимание, которым их окружало местное население. Почки на каждой съёмке присутствовали сотни зрителей: они советовали, поправляли, уточняли.

Целую ночь продолжались съёмки заключительных сцен фильма — казни молодогвардейцев. Сеанс начался вокруг шурфа сидевшего не сходя со своих мест, тысячи жителей города. Сеанс продолжался и перед съёмкой памятника героям «Молодой гвардии» моральная ответственность каждого участника этой последней сцены.

Фильм отнят. Бесспротивно, он войдёт в золотой фонд выдающихся произведений нашей кинематографии, а быть может, откроет новую эпоху в развитии советского кино, как открыли её «Броненосец Потёмкин» и «Чапаев».

Многие в этом фильме выделились отменно: от романа А. Фадеева. Достоверно известно, что серьёзные недочёты, на которые справедливо указывала А. Фадеева наша

В этом фильме показаны организующее начало и руководящая роль партии, вышедшая из ткани романа. Комсомолы «Молодой гвардии», как это и было в действительности, во всём участвуют у партини, на каждом шагу следят за советами.

Партия указала на важнейшие недостатки романа А. Фадеева и ряд театральных инсценировок в то время, когда уже была закончена первая серия фильма.

С Герасимовым в Краснодоне работал известный кинокритик. Он написал в себе множество в корне переделать первую серию фильма, внести в неё ряд совершенно новых сцен. После переделки фильм поднялся на новую художественную и идеальную высоту. Он будет служить могучим оружием в деле коммунистического воспитания советской молодёжи, советского народа.

Д. ХРАБРОВИЦКИЙ

ТРОЯНДА

Андрей МАЛЫШКО

Троянда¹ выросла в зру,
Далеко от села,
Она и в холод и жару
Горела и цветла.

И лепестков багрец
И венчика узор
Напоминали о поре
Искролетящих зорь...

¹ Троянда — по-украински роза.

Одна, далёко от села,
В краю цветов и птиц,
Она горела и цветла
В голубизне зарниц.

Не лучше я ей альят огнём
На чайни-нибудь груди?
Нет! Лучше там, в углу родном,
Гореть ей и цветти!

С трояндами в ясной тишине
В траву летят пыльцы...
Лежат под нею в вечном сне
Две друга — да бойце.

Ей там гореть из года в год
В голубизне зарниц
Где я, их друг, встречаю восход,—
В краю цветов и птиц!
С украинского перевел
Г. АБРАМЦЕВ

НАРОДНЫЙ УЧЕНЫЙ

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Т. Д. ЛЫСЕНКО

Десять лет назад, чтобы написать статью для «Смены», я встретился в Одессе с Т. Д. Лысенко. Трофим Денисович работал тогда директором Одесского института генетики и гибридизации, и только что был избран президентом Всеукраинской академии сельскохозяйственных наук.

Мне показалось, что он озабочен перспективами новой работы, и я спросил его об этом.

— Я привык думать возле грядки, в опытном поле... — ответил Лысенко. — Что ж придется заняться опытным полем в Москве, при Академии!

Переехав в Москву, Лысенко получил возможность ставить и проверять свои эксперименты на таком опытном поле, какого не было ни у одного учёного в мире. Речь идёт не об опытном участке Академии в Горках-Левково, а об обширнейших проспектах колхозных и совхозных полей, в навах, что раскинулись на миллионах квадратных километров... они стали «опытным полем» учёного.

Партия, правительство, народ ещё до выдвижения Трофима Денисовича на пост президента хорошо знали, какого масштаба этот учёный. Его способ яровизации зерновых, дающий прибавку урожая на 2–3 центнера с гектара, был объявлен правительством обязательным, и плодородная, засеянная яровизованными семенами, достигла 10 миллионов гектаров. Лысенко разработал метод «летнего посадка картофеля» — метод, который дал возможность нашей Юге раннее ввоеванному посадочному картофелю материала из более генетически районов сортов, получать самому высокие урожаи картофеля и удачлив семеноводство этой культуры. Метод этот тоже был объявлен правительством обязательным. В соде правительства постановлений можно было найти и решение об обязательной чеканке кустов хлопчатника; этот способ повышения урожайности хлопка тоже был разработан Лысенко.

Теперь, при переезде из Одессы в Москву, Трофим Денисович мог заниматься проблемами не только южного земледелия. Тому, кто бы блеснул, показал себя как революционный учёный, параллельно с которым предоставлялась возможность ставить свои опыты на всей необъятной шири Советского Союза. В 1939 году правительство поручает Лысенко добиться повышения урожайности прасы.

Лысенко решает совершенно изменить агротехнику посева этой культуры и станет свой «помысл» на плодоносе в 500 тысяч гектаров. И сразу же происходит скакучкообразный рост урожайности. Опыт с повышением урожайности проса академик Лысенко повторил и в 1947 году. Колхозы и совхозы страны на площади в миллион гектаров вырастали богатый урожай этой культуры. Лысенко едет в Сибирь, он никогда не был там раньше. В Сибири плохо выращивали озимые. Учёные, ни один год прожившие в Сибири, предрекали: «Это потому, что пшеница этого посева — самое здешнее морозом». Но последнего времени науке не удалось разрешить эту трудную задачу. Опытные посевы озимой пшеницы на парах, как правило, погибли зимой. Мороз разрывал вспаханную почву и вместе с тем рвёт побеги пшеницы. Холодающие ветры, неся с собой множество песчинок, покрывают и часто полностью унищожают листья озимой пшеницы. Условия на паровых полях оказались абсолютно не соответствующими биологическим требованиям растений озимой пшеницы.

Лысенко, проведя ряд опытов, сказал: «Сейчас надо выработать чистой степи яровых культур и снять прекрасный урожай. Мороз не сумеет разорвать твёрдую землю, да к тому же у пшеницы будут «созоныки» — корни, оставшиеся после жатвы растений».

Сесть на стерне — да это противоречит всем канонам агрономии! Но колхозники Сибири и Алтай по совету академика Лысенко посыпали степи и получили прекрасный урожай. Так Т. Д. Лысенко было сделано выдающееся открытие, показавшее возможность перезимовки озимой пшеницы в Сибири.

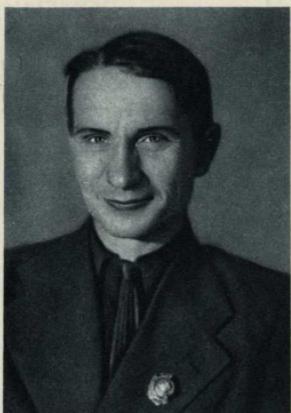
эмс. Мицурин, великий советских естествоиспытатель. Сущность его направления в биологии, которое он возглавлял, заключается в следующем: нельзя рассматривать организм вне связи его с окружающей его средой; под влиянием условий жизни изменяется природа организма, и изменения эти наследуются.

Это положение признавал и великий учёный Чарльз Дарвин. Но он утверждал, что человек не может проследить, познать, каким образом внешняя среда влияет на организм, а потому человек не может сознательно создавать такие условия жизни, которые вызывают бы необходимые изменения изначальные и нужные ему изменения. В этом утверждении была одна из основных слабостей теории Дарвина. После Дарвина биологическую науку поднял на более высокую ступень великий советский учёный Иван Владимирович Мицурин. Он первый, не ожидая милостыни от природы, стал переделывать живые организмы. Изменения условия жизни, он заранее намечаемы планом, вывел сотни сортов плодовых, которые никогда ранее не существовали в природе. Лысенко ещё дальше двинул биологическую науку, разработав теорию о стадионе развития растений. Он выяснил, что на разных стадиях своего развития растения предъявляют требования к различным условиям жизни. На первой стадии (Лысенко назвал её стадией яровизации) главным для развития растения является количество тепла, а вот количество света, например, на этой стадии не имеет значения. На второй же стадии главное значение имеет свет и темнота, получаемого растением. Разработка этой теории позволила Лысенко ещё более уверенно, сознательно управлять переделкой природы растений.

Против Лысенко, как и против Дарвина, как и против Мицурина, выступили реакционные учёные-идеалисты. Если во времена Дарвина они вообще отрицали влияние среды на живой организм, на его строение, то теперь, под напором накопившихся в науке фактов, они этого уже делать не могут. Но они продолжают требовать, что изменения, происшедшие в живом организме, передаются по наследству. Для этого они выдвигают так называемую «вещество». Каждый живой организмы, говорят биологи, состоит из смеси — тела — и заключённого в половых клетках «наследственного вещества» — хромосом, которые в свою очередь состоят из мельчайших частиц — генов. Семя организма, его тело, под влиянием внешних условий может измениться, и вот гены — никогдА. А как определённые качества организма наследуются только с помощью генов? Потому что изменения, которые произошли в теле организма под влиянием внешних условий — никогдА эти изменения по наследству не передаются.

Всё это ведёт Лысенко не уставать говорить, что теория генов, или хромосомная теория, — это самая что ни на есть реакционная идеология. Почему? Да потому, что если верить приверженцам этой теории (их называют «формальными генетиками»), то надо признать, что в природе всегда существовало столько же генов и таких же генов, сколько их существует сейчас. Значит, природы неизменна, значит, в природе нет развития, а ведь это и нужно тем, кто не хочет видеть в себе созданного Господом Богом. Развития в природе не существует, потому что это и нужно доказать тем, кто стоит за вечное существование горы, горы, угнетения человека человеком. Теория «невизионных генов» — это способствующая фашизму теория. С её помощью реакционеры стремились оправдать борьбу рабов, имеющих якобы разные «фонды генов», между которыми существует непрерывная пропаст. Теория генов торжествует науку, потому что если гены неизменны, то нельзя сознательно создавать новые растения, выводить новые породы скота.

— Но нет, — говорит Лысенко. — Вы все врё-

Академик Т. Д. Лысенко.

В войну в стране был особо дорог каждый килограмм питательных веществ, и Лысенко помогает сберечь их миллионы тонн. Его предложение сажать картофель не целями клубнями, а срезками с их верхушкой дошло не только до каждого колхоза, но и до миллионов горожан, впереди которых в во время войны взвихившихся огородничество.

И все эти предложение принимаются без сомнений: а выходит ли? Народ знает: раз говорит Лысенко, — значит, выходит. Почему так? Откуда такое доверие к Лысенко? Да и может ли said учёный с чистой совестью перенести выводы, добывшие в его опытах, сразу на площадь в миллионах гектаров, семь раз не проверив, не подвергнув сомнению каждый вывод своего эксперимента? Учёные-консерваторы говорят: нет, нельзя, это авантюризм. Учёный-революционер говорит иначе: если ты уверен, что общая теория, из которой исходят твои частные выводы, верна, если ты проводишь свой опыт тщательно, «чисто», — не сомневайся в этих выводах и смело следуй за ними в практику. Лысенко страстно верит в справедливость того материалистического, биологического направления, которого он придерживается, и также страстно ведёт борьбу с противниками этого направления. Откуда такая нетерпимость? Справедлива ли она? Да. Потому что Лысенко знает: его противники не просто имеют «другую точку зрения» на некоторые научные проблемы, а они торжествуют движение науки вперёд, они мешают советскому народу получать большие зерна, мясо, хлопка, они мешают строительству коммунизма.

Лысенко — последователь Тимирязева, Виль-

ИЗ СТИХОВ О ДОНБАССЕ

НАХОДКА

тё, господа хорошие! Вы говорите, что яровая пшеница отличается от озимой потому, что у одной существует ген «яровость», а у другой — ген «зимность». А я вот приучала яровую пшеницу к холodu, переспиливая её природу, высевая её с осени — и она становится озимой. Вы говорите, что наследственные качества передаются только через хромосомы, через половые клетки, а я вот привыкаю к кусту помидоров с красными плодами ветвь помидоров с плодами жёлтыми. И мало того, что жёлтые помидоры назначены краснеть, но и плоды, выращенные из семян этих, изменяют свою окраску по мере взросления, становясь жёлтыми. Для этого тысячи таких опытов ставил Мичурин. Задесь до обхода без полового скрещивания, а природа потомства меняется. Что же остается от вашей теории «инстинктивности генов», от теории «огосенного наследственного вещества», со следствием в половых клетках? Ничего!

Но противники Лысенко не слушались. Рассудку вопросы они продолжали отрицать факты, уничтожение же теории, они клеветали на Лысенко, изглагая его ошибки и прорывы. В изобличениях генетиков и журналистов почти грезы выливались на Лысенко так же, как на Тимирязева, Мичурина, как на всё русское, советское. У буржуазных клеветников нашлися свои подставы и в СССР из числа тех, кто еще заражал рабочие перед всеми иностранцами, из той породы интеллигентов, чьи сознания ещё обременено тяжкими наследствами старой буржуазной идеологии.

Последний «фоб» эти приверженцы идеалистической моногенетики в биологии пытались дать Лысенко: август этого года на сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, на которой президент академии сделал доклад о положении в биологической науке. Несвиат и жалок был их лепет после блестящего доклада славного учёного, в котором он не оставил камня на камне от буржуазного нападения в биологии.

Мне довелось быть в эти дни в зале Министерства сельского хозяйства СССР, где проходила сессия. Собрившиеся встречали этих «спонсоров»ironичными репликами, возгласами, издаваемыми в требовании рассмотреть, что же практически дела их «науки» народу. Бурнымиплодосмеяниями отвечали за заседание академика И. И. Презента о том, что пора покончить спор с морганистами, пора перестать убеждать их, пора начать беспощадное из разоблачения, как махровых реакционеров в науке.

Но самый интересный момент был на сессии, когда вышли к трибуне для заключительного слова, Трофим Денисович сказал: «Мы с однажды с запиской спрашивали, каково отношение ЦК партии к моему докладу. Я отвечал: ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его».

Долго не смокал восторженный гул в зале. Все поняли: положен конец ненужному, предвзятое науку спору. Свой авторитетное суждение высказал ЦК нашей партии, великий корифей науки — товарищ Сталин.

Сказав эту, так изволившую зал фразу, Лысенко сам долго не мог успокоиться от охваченного его волнения. Он то приглеживал свою непокорную, скоженную с головеской, прядь волос (он ведь земляк с Гоголем, поэтому звал Лысенко), то на лицо, то на руки, то принимался сам запираться в туалет.

Победа, решительная победа одержана. Её помогли ей одержать партия, товарищ Сталин, который ещё в 1935 году полагал реплику во время его, лысенковской, речи на Втором съезде колхозников-ударников: «Браво, товарищ Лысенко, браво!»

Руководитель нашей сельскохозяйственной материалистической биологической науки в сентябре прошлого года исполнился 50 лет. Он полон сил и дарзаний, этот неукротимый, страстный человек, славный продолжатель дела великих русских естественноисследователей. Помимо широких земельных работ он старалась не только объяснить явления природы, но и переделать саму природу; воспитывал великих Стalinов, непреклонных, телесущереманных, всегда атакующих врагов, он многое ещё замышлял сделать полезного для своей Родины. Советский народ ждёт от своего славного учебного великого успехов, и он уверен в них.

Однажды вдали от родимого дома,
Шагая крутыми путами войны,
Под небом чужбиной, где всё незнакомо,
Где горы суровы и ночи темны;

Где жёлтою пылью дорога покрыта,
Тоскуя по Родине в сумрачный час,
Нашёл я на рельсах кусок антрацита
И ласково вымолвил: «Здравствуй, Донбасс!»

ДОНЕЦКАЯ ТРАВА

ПЕСНЯ

Гляжу я на простор степной,
Дыханье затая.
Лежат в дыму передо мной
Любимые края.

Есть в глубине людских сердец
Заветные слова:
«Родной Донбасс», «степной чебрец» —
Донецкая трава.

И где бы ни был в дни войны
Вдали от вод Донца,—
Я помнил степь родной страны
И запах чебреца.

Тебя не смог скосить свинец,
Любовь моя живь.—
Неувядющий чебрец —
Донецкая трава.

Опять над нашей шахтой свет,
В посёлке — тополя,
Опять идёт путь побед
Шахтёрская земля.

И в поле из конца в конец
Сияет синева,
И на холмах цветёт чебрец —
Донецкая трава.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вновь на разъездах кричат паровозы,
В нашем купе то светло, то темно.
Снова, стравя украдко слёзы,
Долго и нежно гляжу я в окно.

Как мне знакомы ночные зарницы,
Угольный воздух в родимом краю!
Будто листья былие страны,
Снова читав я юность свою.

Вновь полустанки, столбы, перегоны
В прежнем порядке бегут предо мной.

Снова продутые ветром вагоны
Пахнут углём и донецкой весны.

На три минуты в стели остановка —
Путь этот с детства привычен и прост:
Вот промельнула в окне Кондрашова,
Вот прогудел под колесами мост.

Вот уж открылся с вершин косогоров
В огненном зареве, строг и суров,
Город строителей, город шахтёров,
Город механиков и мастеров.

СТРОИТЕЛИ СЕВАНСТРОЯ

ИЗ СТИХОВ ОБ АРМЕНИИ

Не гребни гор, встающие в тумане,
Не сквозная синяя вода,
Не древний храм на острве Севане
За сотни вёрст вели меня сюда.

Наотмашь в скалы била непогода,
Раскаты зарявов ухали вдаль.
Я видел болгарский труд народа,
Менившего облик всей земли.

Сырые тучи раздирая в клочья,
Прожектор небо вспарывала, как нож,
И сотрясала скалы даже ночью
Глухая пневматическая дрожь.

Мы оставляли вечные отметки
Над каждой с бою взятой высотой,

Строители четвёртой пятилетки,
Живущие единого мечтой.

В лесах Алтая или на Севане,
Где б ни гремели наши голоса,
Мы держим путь к земле своих мечтаний,
Нам будущее дует в паруса.

Дымок погодный над родимым краем
За эти годы полюбив сильней,
Мы ни на что на свете не сменяем
Большой, как жизнь, профессии своей.

Одной судьбою, верностью взаимной,
Великой дружбой спаян наш народ —
Об этом мы поём в припеве гимна,
Когда в Москве на башне полночь бьёт.

В родной семье.

Картина художника С. А. Григорьева.

С. А. Григорьев. 1942. Кисловодск

Свежий ветер

Рассказ

С утра день был ясный, но к вечеру небо сплошь заволоки серые тучи и посыпала лёгкий, но по-летнему мелкий надседильный дождь.

В такую погоду в маленьком закарпатском городе Синевиця молодёжи негде повеселиться, и от сумерек до самой поздней ночи в просторной комнате Михася Коваля, секретаря волостного комитета комсомола, необычное оживление.

Чаще всего к Михасю заходят молодые рабочие с маслобойского завода и ученики старших классов школы. Они рассаживаются вокруг большого, круглого, красного скатерти стола и принимаются как-то за свою работу: одни погружаются в чтение газет, другие находят удовольствие в том, что обзывают руки, стучат косточками домино.

Иногда сюда заходят и девушки с кондитерской фабрики: застегиваясь и боязливые, тихо перешептываясь между собой, они сначала долго толкуются возле дверей. Но вот будто начиняю, кто-то веером разпускает меха гармоники, и голоса её звнят, как раскатистые бубенчики. В одну минуту стол с оставшимися играми и новогодними газетами отодвинут в угол; девушки, выстроившись по полукругу, сверкающими глазами уставились на гармошку.

А Михась уже дает гармонику. Подбоченясь, слегка покачиваясь в ту и другую сторону, начиная обесцупно проходить по кругу, затем, лихуя ветрянку вихрастым чубом, с гиканьем и систом, высоко выбрасывая вперёд и в сторону тонкие, обутые в лакированные сапожки ноги, идёт широкими шагами. Продолжая вальсы, круги, разрываясь и запахиваясь, он предлагает девушкам продолжить танец. Начинается веселье...

На улице сырь. По тротуарам, по крышам домов, по широким альтиям капитанов стуки, неторопливо падая, капали за каплю, ионичный дождь. В комнату из распахнутого окна веет свежестью ночи и прынами запахом досок. Скоро полночь. Юноши и девушки только что разошлись по домам, сейчас они идут пустынными мокрыми улицами, и притяжная песня их сливалася дланко-дланко. Она то угасает, то вспыхивает вновь, пронистрая и задушевно.

Михась задумался: «Как хорошо! Молодёжь тянется к ному! – это захватывшие комсомольцы, бравые молодцы»...

Михась долго простоял у открытого окна. Вдруг ему посыпалось, что кто-тоходит по коридору, нащупывая дверь. Не успел он сделать и двух шагов по направлению к двери, как те медленно отворились и в минуту из темноты видели малятину в шубке и в пальто. Она была одета в чёрную бархатную кофточку, поверх которой висела чёрная мокрая нахидка из брезента. В руках ей было большой, старомодный зонтик с медными стульчиками и блестящими застёжками. Вся она – мокрая, малятиновая, в коротенькой, узкой верху и широкой внизу нахидке, наброшенной поверх кофточки, со множеством кружев и складок на юбке – напоминала чёрную бабочку-шлюпку, неожиданно прилетевшую сюда.

А лицо старушки, избородавшее морщинами, но с живыми, подвижными глазами, показалось Михасю знакомым.

– Ты Михась Коваль? – спросила она строго.

– Да, я...

– Ты, мой самый, что комсомол разводишь? – продолжала она, смысла говорить было слишком мало.

Михась усмехнулся, услышав слово «разводишь», но ответил, стараясь как можно теплее.

– Я, тот самый.

– Доброе, – уступаю подтвердила она. – Ось тебе и треба...

Михась забеспокоился, предложил статься присесть. Расправившая спина намокла, тяжело платье, она села, положив худые руки на блестящий неблагодарный столик. Михась приготавливал салат. Пот вскору было видно, она присадзала, из какой-нибудь маленькой деревни.

– К Михасю нередко приходили матери девушек, вступивших в комсомол. Одни из них спрашивали, почему дети их, вступив в комсомол, перестали ходить в первокурсы, другие жаловались на всевозможные непослушания: одна на свою doch, которая не захотела остаться дома, с матерью, а уехала в Черновцы учиться, другая – на сына, уединившегося в комнате работы.

С какой же целью пришла эта мать?

– Ганина... начала она. Ганина... чи, як веи мене кімчутъ, титка Ганина, с Ольшан...

Как только старушка сказала «Ольшан», Михась вспомнил: год да назад, когда в маленькой деревенке Ольшаны проводили они собрание бедняков, наделанных землями, старушки, эта одной из первых заговорила о «коммунистах». Так она называла колхоз.

– Я и пришла... тишка, вздохнула, проводила в дверь и зачехлила дверные руки помадкой в себе Михась Михась приблизился. Я насичт' дочки пришла...

Михась вспомнил теперь ей дочь – роза-лужа, чёрнокурную Марийку, совсем недавно, нынешней весною, принятую в комсомол. Марийка стала звеньевой. Большие обязательства взвесло на себе её звено. Шутка ли: аборт с каждого гектара по 70 центнеров сбёвали! Марийка – девчушка энергичная, честная. Все верили, что она «что слово скажет».

– А я слушала с такой докушкой? – думал Михась.

Нехай громада¹ знає, – взволнованно произнесла старушка. – Дочка моя, Марийка, – шкідниця... Буркы портят. Помчилася дване: чо косям сила какую-то на грядки насипала... А утром-то ныне вывела своих дичавт у поле, где буркя растут. Як же буркя! На диво! И що я думал? Давай дібрать!

– Дібрать? – невольно повторил Михась.

– Дібрать, дібрать, синку! Буркя вон якіх-то відмінних, якіх-то якісних у кучі... Ну добре ї пропонували, то треба, сама знає, а їх же все поїде оголяті! Оставляю то там, то тут, на аршине пару, от сиал три, может, чотири... А осталі-ть, як чиртохол, с пої вони!

Старуха передохнула.

– Ты, говорю, дочка? Така-сяка, что робиш? С ума сошла? А она, что ж вы бы думали? Смейтесь у очи, прими при всях. «Тоби, говорит, мамо, поучиться надо...» Говорят, что будто ей агроном посовето-

вал... Да какож же этот агроном, ко-мли вин это самое скиза!! Да я краце всіх их знаю: сама пятьдесят лет сажала... А тут... Мине-то учиться! «Погоди, думаю, я тебе выучу!» И на тебе есть управа... – Тут Михась вспомнил, что это был Миран. Так и тих говорю. Проща он на поле, посмотрел, остановился на против меня, ось, як ви тепер, и говори: «Хоть ты и активистка, титка Ганина, конеч-но, активистка, ти-калько не бачинь, що но-вое, а що старое.

Титушка Ганина замолкла. Опіть посмагрела в глаза Михасю, наденясь в них лояльство, поддерку. Но в глазах её сочувство, сочувствие, поддерку. Но в глазах її ѿлюблена уламбъ и нерешительна скажала:

– Ось я к припада до вас... – Завтра мы этот вопрос разрешим, – старалась не обидеть старушку, ответила Михась. – Поехдім к вам в Ольшаны, і на месте разрешим... А тепер поздно... Пойдем, я веа устрою на ночи... – «На ночь?! Он устрон меня на ночь!» – втрапенелася старушка, поднимаясь со стула.

– А ты знаешь, что у мене «бурёнка» не досна, овец некому на баз согнат... – веочи сорвать старушку, сказала она. – А як ви тепер, чи ви зможете? – Михась, по-инто, это самое время старинные, в большом дубовом футляре часы, висеніків в углу комінаты, запустили, застригли і принесли бить. Они пробили полноч...

Лето прошло незаметно. Наступила по-різбік. К Михасю приехали гости из Києва – посмотреть на знамениту свекловодку Марійку из Ольшан. Михась по-віз гостей в Ольшаны. Заехали вначале на поле. Потом гости захотели увидеть титушку Ганину.

Она была на огороді. Старушка сидела на небольшому кучку своєї старинної сід毋и. У кімнаті, яким скромно називалася бузбу на маслоній, пущенійської, величині з кулак, корнеліада.

Титушка Ганина, увидівши столько гостей, заволновалася.

– Вам, наверное, Марійку... – спросила она, поднимаясь. – Так она на поле... Я вас могу провести.

– Нет, мамаша, мы к вам... – ответила Михась Коваль и подала єй газету.

Она достала из карманчика платы старые, на ниточках, очки, привезенные из Києва. Ганина сказала: что все наблюдают за ней, словно ожидая чегото. Она развернула газету. С первої страницы, прімо глядя на неї, ульбасяла Марійка.

Титушка Ганина долго смотрела на портрет, на людів, не зна, что делать, чо спросити.

– А где єї, эту саму газету, выпущаває? – спросила она наконец.

– В Києві, – отозвалася Коваль.

– У Києві? – удивилась старушка.

– Тут про Марійку пишуть! – тихо спросила она.

– Не только про Марійку, но и про вас... – сказала один из гостей, – как вы ходите в Сід毋и...

Но титушка Ганина не слышала этого. Она стояла, устремив кудо-то вдала свои старинесі глази. Ей болось, вибившиши из-под старинной шапки, теребя свіжий, окібрзький ветер.

¹ Громада – сельське собрание, общество.

С ПЕСНЕЙ НА УСТАХ

Александр ЖАРОВ

Осеню 1918 года первые отряды советской молодёжи вышли в путь. Это и было началом славного тридцатилетия, наше прошедшего комсомолом.

С великого благословения партии большевиков двинулась боевая юность в походы, на работу, окрылённая плафосом борьбы, устремлённая в будущее.

Верной спутницей комсомольцев с первых шагов была песня.

«Чем запала молодость, называвшая себя коммунистической?»

Она запела о боях за коммунизм:

«Ты помнишь, мой седеющий весенник,
Где вспахано поле, какой рассвет?
У Выборгской заставы и на Пресне
Свои мечты мы претворили в песни
Непогоримы комсомольских лет...»

Это я написал теперь, в 1946 году. Это написало для меня юноши, непогоримой для моего поколения, но повторенной и продолженной новыми поколениями комсомольской молодёжи.

Единой для всех наших поколений была и остаётся мечта о счастливом и разумном порядке жизни народа, мечта о коммунизме:

«Мы нащ, мы иной мир построим.
Кто бы ничем, тот станет всем...»

Эти слова «Интернационала» зазвучали для нас как лягти верности делу коммунизма. И неиздательство, что в новых своих песнях члены союза молодёжи вначале называли себя коммунарами.

«Под частым разрывом громущих граках
Отряд коммунаров сражался».

Так говорилось в одной из давних песен. В теплушках, отправлявшихся на фронт, на войну против Колчака, против интервентов,

против Деникина и Врангеля, комсомольцы пели:

«Нас не слогница прихваща,
Не гонит как беба,
Рок капризный не властен над нами.
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!»

Эти песни в равной мере принадлежали и взрослым. Но молодёжь легче и звонче подхватывала новые песни, считая их в большей мере своими.

Черты нового, советского времени хотелось коммунистам передать в песнях. Отходя воинским, многонациональным, полным самодельного сочинительства и попыток словесных переделок старых, известных песен.

Брали, например, старую студенческую песню и распевали на свой лад:

«Проделайка, друйка,
Эту хочу веселей.
Комсомольце семья,
Собирая друйки!»

О любви к Родине и партии, о дружбе и товариществе, о боевой сплочённости, о храбростях молодой гвардии коммунизма слагалось множество налётов.

Верности делу старый гвардии большевиков присягали в песне комсомольцы:

«Гверды мы будем неизменно.
Ломайт старый мир, отцы
С годами вам придём на смену
Мы, молодые куницы!»

Так были перенияты слова старой революционной песни «Куницы»

«Мы — пожара всемирного пламя,
Молот, сбивающий оковы с раба.
Коммунизм — наше красное знамя
И священный наш лозунг — борьба!»

Это пелося на мотив «Марсельезы».

На старый революционный мотив были написаны А. Безыменским слова комсомольского марша:

«Пусть сердится буря, пусть ветер неистов,
Растёт наш рабочий прибой.
Вперёд, комсомольцы! Вперёд, коммунисты!
Вперёд, красногвардейцы, на бой!»

На мотив народной украинской песни писал свою «Пророком» Демьян Бедный:

«Красной Армии бойдь
Я походы.
Смертный бой я поведу
С барских сбродовъ.»

Эти слова Д. Бедного были девизом молодых бойцов на сборных пунктах в призывающее время в города и в деревни.

А «Молодая гвардия» с могучим припевом: «Смелей опереди и твёрже шаг
И выше юношеский ствол!
Мы — молодые гвардии
Рабочих и крестьян», —

много лет бытовала в комсомоле на правах нашего гимна.

Путь в будущее даже в мечтах не казался нам лёгким. И песни наши говорили о трудностях великого пути, о неизбежных жертвах, о зоркости и блестительности, о необходимости закалки, чтобы выдержать суровые испытания борьбы.

«Дорога браhma не терпим —
Наша миграция дорога.
Тело, дух свой учреждаем,
Чтоб не разбить врага», —

это говорилось в песне о конце римских разбоев Спартака, сочинённой комсомольцами в дни муссолиниевского путча в Италии, когда виновники в Европе зловещий призрак фашизма.

Как бы ответом силам старого мира, поднявшим свои коричнево-чёрные головы, на многих языках возникла комсомольская песня «Борьба идёт», русский текст которой довелось написать мне. Эта песня была одной из популярных на демонстрациях, на собраниях, на субботниках:

«Борьба идёт, борьба идёт,
Донце не идёт, донце идёт!
Дорога — это путь! Дорога, вперёд!
Победа нас созвывает.
Готовят битву короли,
Фашисты бьют к начальну.
Генераль да лагерь зеки:
Труды и капитала...»

К единству и сплочению антифашистского лагеря молодёжи всех стран звали чистых и смелых юношей и девушек комсомольские песни первых лет, так же, как теперь с зорющей силой зовут они молодёжь мира к борьбе против капиталистических угнетателей, к разоблачению политики империалистов.

Написанная «Марш комсомольской молодёжи», звучит сегодня словно в подтверждение и в разятии одной из славных традиций комсомола. Нашей первою молодёжи, безгранично любящей свою советскую Отечизну, родину коммунизма, всегда было присуще непоколебимое чувство интернационального братства.

Это чувство находит и находит свою выражение в песнях советского жанра.

Молодёжь комсомольская, впереди идущая этап расстояния по направлению к коммунизму гордится тем, что пример её подвига наглядно показывает трудолюбивую молодёжь всего мира, как надо бороться за свою будущую, за коммунизм.

Советская молодёжь знает, что сила нашей Родины нужна угнетённым и обездоленным людям по рубежам. У советской молодёжи много новых патриотических песен. Могущество страны социализма прославляется в них. Радостное становление коммунистического будущего военного и трудового подвига делают душевые наши песни притягательными не только для нас, но и для наших зарубежных собратьев.

Три десятилетия прошёл наш комсомол под знаменем Ленина — Сталина с борьбой песней на устах.

Он достойно продолжает свой путь, напевая новые мелодии, начало которым дано много лет тому назад, когда мы ровесники пели: «Наш паровоз, вперёд лети...»

По утрам на улицах Варшавы можно часто встретить отряды юношей в армейских костюмах с бело-красными треугольниками на вооружениях, направляющиеся под командой офицера в сторону Старого Мястя и Вислы, туда, где строится главная магистральпольской столицы, трасса Восток—Запад, и Сilesko-Domowski мост. Они поют любимую партизанскую песню — «Расплющила плачущая лоза». Её сменяет «Импульс демократической молодёжи мира». Это издачу друзей молодёжных строителей Варшавы, объединённые в организацию «Служба Польши», деятельность которой направлена к возрождению хозяйства страны.

Давайт пройдём вместе с этим отрядом к Висле и посмотрим, что делает молодёжь на строительстве. А пока бросим взгляд на юношес. Они почти одного возраста. Каждому из них, вероятно, лет 18—20. Явко пошёл на вооружение, а Гирольд — на пилотку. Составление плана, заключение до золотых ракушек блуз, одинаковыми по цвету набедренные пилотки с поблескиванием в лучах угольского солнца солдатскими ордами, загорелые руки и лица, белые газы — темные, синие, серые. Молодой запевала, идущий в первом ряду колонны, юноша начинает каждую строку песни, и дружный хор подхватывает её, далеко унося в мертвые пока улицы Старого Мястя. Редкие прохожие и рабочие строители приветствуют «юнаков» — так называются члены «Службы Польши». Рядом идет офицер. Он решительно сидит за выполнением своего дела.

На строительстве визит работать Сотни юношей в майках и туниках разбивают ломами остатки разрушенных зданий. Другие очищают целые кирпичи и укладывают их в стороне в аккуратные штабели. Третьи с лопатами и кирзовыми прорывают съезд к реке — «Вислостраду», по которой будут подвозены для монтажа многотонные стальные конструкции моста. Тяжело же эту работу выполнять: жаждут амфибии подводы, на которые погружают обломки, вывозимые за город или на строительство жилых домов. Пытки, подволзает паровозик с длинной цепочкой вагонеток. Солдаты уже изрядно пригревают, но погрузка идёт исподволь. Лопаты быстро мелькают в воздухе. Проходит десяток — другой минут — и паровозик пятится, чтобы спернуть на боковой путь. На разгрузке его

Валерян АРЦИМОВИЧ

„SLUŽBA POLSCE“

ждёт другой отряд таких же и голосистых юнаков.

Они же, в свою очередь идут, привалившись за работу, состоящую преимущественно из лодзинских гимнастиков и лицензиатов. За время работы он разбрал смычку тридцати разрушенных зданий, стоявших на трассе, очистил более пяти тысяч квадратных метров площади, сберег огромное количество кирпичей, которые теперь снова идут на строительство.

Вот неподалёку работает с кирзовыми юноши. Поручик по-дозору его к нам. Юноша откладывает кирку, подбегает и по-военному рапортует:

— Витольд Новак явился по вашему приказанию!

Весь он из самой пилотки покрыт плотным слоем коричнево-красной кирпичної пыли. Витольд Новак стоит на положенной уставом позиции.

— Присядь и расскажи нам о работе своего отделения.

Юноша осторожно сел на глыбу какой-то кирпичної фигуры, служившей украшением ворот уже разобранных домов:

— Но я, право, не знаю, что вам

рассказать. О том, что мы первые в нашем здании, вы, наверное, уже слышали? За прошлую неделю на разборке зданий мы выпалили 275 процентов нормы, но в другом отряде есть бригада Яновского, которая нас обогнала, и теперь мы стараемся всеми силами вновь выйти на первое место. Вот посмотрите: там работает Карчинский. Это мой одноклассник по лицо. Он придумал приспособление для очистки кирпичей от отложений известия. Раньше мы это делали вручную. Право, приспособление Карчинского увеличило нашу рабочую производительность в несколько раз. Его применяют теперь и другие отряды.

— Нам говорили, что, кроме работы, вы ещё и учитесь. Чем вы занимаетесь?

— У нас в отряде мы проходим военную подготовку, занимаемся спортом, с нами проводят политические беседы.

— У нас в отряде какая молодёжная организация пропагандирует?

— Как и все. К Союзупольской молодёжи. Ну, если разрешите, я пойду, — сказал он, увидев, что издали приближается очередной состав.

Юноши «Службы Польши» на восстановлении моста.

ПУШКИ ВМЕСТО КНИГ

Грозным обвинением по адресу вынужденных практикантов Франции звучат опубликованные недавно Союзом республиканской молодёжи данные о положении учащихся высшей школы.

Со страхом глядят французские студенты влеворадикальные демократические движения. Их смеют коммат, с треском берут он и руки, имеющие студенческую столовую. Страхи есть — увы! — неизбежны: самые каждый день монстрируют «стриптиз» в виде очередного пополнения цен.

Пенсы — пот что сейчас больше всего волют и тревожат учащихся молодёжи Франции.

А с пенсами действительно творится нечто невероятное. Студентская конфедерация, созданная в 1945 году, может быть сплатить за 1200 франков в месяц; теперь стоит 3 тысячи франков и больше. Более в студенческой столовой за тот же период вздорожал с

до 50 франков. Соответственно возросли и цены на все другие товары. Совершенно недостаточно роскошь стали для значительной части студентов. Студенческая конфедерация, члены которой поднялись с 2 тысяч франков в 1945 году, до 5 тысяч франков, учебники подорожали вдвое.

Студенческая столовая получает лишь 5 процентов всех студентов, равна 4000 франкам в месяц. Программа арифметики тоже подорожала вдвое, а студенческая квартира и обед — на всё остальное не остаётся уже ни сантима.

Но это не удивляет тому, что, если не считать смысла замкнутых родственных, основная масса студенчества, чтобы кое-как просуществовать, вынуждена или искать себе работу, или приводить друзей в убийство.

Постоянная нужда, систематическое недовольство привели к резкому ухудшению состояния здоровья молодёжи. Как показали ре-

зультаты медицинского обследования студентов, за один только последний год число больных туберкулёзом увеличилось в два раза.

Студенчество Франции вправе быть оживлено, что правительство не осталось равнодушным к судьбе студенческой молодёжи и окажет ей реальная помощь. Напрасны надежды. Вот спрашива министр финансов о предстоящем бюджетном плане: 1946 год — 15 процентов бюджета, 1947 год — 7,5 процентов 1947 год — только 6 процентов.

Сделано дело! Но мнению Союза республиканской молодёжи Франции, корень зла кроется в антипартийной политике Франции. И потому, когда в конце марта в сердце скромно засиживавшие на нудных проповедях и в то же время щедро руками бросают сотни миллиардов на войну, привез Вильгельма и на содержание армии и полиции,

Поручик ведёт нас по строительству. Он показывает, где буде начинаться мост, как пойдёт отсюда улица.

В школе, где размещается отряд, образованные чистота и порядок. После работы юноши купаются, едят в столовой приготовленный супом с поварами обед, а после непродолжительного отдыха приступают к занятиям. Среди их учителей армейские подполковники и опытные педагоги. Они проводят с юношами «Службы Польши» беседы на актуальные темы из общественной и международной жизни, посыпают сюз по последним политическим событиям. В читальне всегда есть свежие газеты и журналы, много книг. На стенах висят выдающиеся через день газета «Голос Юноши». В ней рассказывается о производственной работе и о лучших юношах, достигших отличных результатов в военной и политической работе. Уже много: Яновский, Ванько, Коцкий и уже знакомый нам Новак.

Боевые и физическая подготовка проводятся по армейской программе. Это необходимо для того, чтобы юноши из «Службы Польши» имели минимум военных знаний, так как многие из них, которых пройдёт весь курс в организации, будут обожвованы от действительной военной службы.

Но мы до сих пор не видели девушек. А ведь «Служба Польши» — это организация и женской молодёжи. Чем же занимаются девушки? Мы спрашиваем об этом начальника отряда. Он говорит:

— Девушки в основном заняты на военных работах и на фабриках артиллерийской промышленности — текстильных, швейных, трикотажных. Там они приобретают специальность и помогают промышленности. Вы видите эти мундиры юнош? Всё это пошлио девушкам из «Службы Польши». Там, так же как и у нас, широко развернуто соревнование, а военную подготовку они проходят по особому курсу.

Мы подходим к географической карте Польши. От Одера и Балтийского моря до разрушенных уездов Варшавского воеводства и стоящих на ней густо пестрят флаги.

Это показаны места, где работают отряды «Службы Польши» — организации, закаляющей молодёжь и воспитывающей её в духе братства со всеми демократическими народами, в духе непримиримости к её классовым врагам.

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

НОВАЯ ГЛАВА

В стихах Сергея Смирнова* языки собеседников, языки жанрового разговора, языки народных сказок, языки наивных. Одно из его стихотворений так и называется — «Откровенный разговор». Его герой преимущественно разговаривает и в то же время он оракторы, они собеседники — всё это скромные люди труда и дружбы, люди дела и слова. Пишет ли поэт о красете родной Москвы, или о подвиге панфиловцев, или о другом детстве, или о работе сельского почтальона, или о заводском парне, или о советской работнице, — он всегда остается верен своему творческому направлению: характеризует явления предложением, языком патетических. Такова индивидуальность творчества Сергея Смирнова. Отсюда принципиальное «спиннаж», «опросение» его стихотворений речи, всемерное приближение её к разговорной.

* Сергей Смирнов — от первого лица. Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва. 1948. 70 стр. 10 000 экз. Цена 2 руб.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

В книге «От первого лица» поражает отрешённость поэта от условленного языка метафор. Не обернёт ли себя поэт? Не дойдёт ли он своей «будничной» речью до уровня бесцветного разговорника? Нет, в ком случае Сергей Смирнов остро замечает будничное, бытовое, но глубоко типическое:

«Однажды
На тесной площадке трамвай
Стиснуло возможную беседу жителей.
Москвич и москвичка
В повышенном тоне

Затели спор о любимом районе» —
здесь фразы настолько естественно обобщены, что даже не замечешь их стихотворного строя.

«Что тут же я испомнил районы
Другие:
По мнению причинам для нас
Богородицкие.
Районы, где самые лучшие здания,
Районы, где мы называем
Свиданьями,
Где многое памятно,

дорого, светло
Для сердца строители,
Сердца солдата».

Даже в решении батальной темы поэтходит в идийский мир своих героев. В повествовательном стихотворении «Рязань Дубровского» нарисованы не иконописные лица героев, а их живые портреты. Смирнову абсолютно чуждо декламирование с литературными подтекстами. Принципиальный слог, «высокий стиль» неуместны там, где разворачивают запросто, чистосречично.

Значительное место в стихотворном эпосе Сергея Смирнова занимают прозаизмы. Но прозаизмы

эти совсем особого рода: они несут поэтическую нагрузку, как, например, в стихотворении «Москва», характерное для поэтического почерка Сергея Смирнова:

«Эдесса место основной моей

жизни. Там я родился. Там я живу.

Здесь я работал, жил из года в год.

Отсюда шёл от мыслей, от

Индийских
Ко Французским сумрачных
горог».

Небожеско полно и самобытно творчество Сергея Смирнова проявляется в коме, этом редком и чистством даре, помогающем людям жить. Юный Сергей Смирнов неизменно, задушевный, лирический дар комара пронесся у поэта ещё в книге «Другими», выпущенной в 1938 году.

В книге «От первого лица» поэт также предстает перед нами как даровитый юморист.

Строго азыматственный к своей поэтической работе, Сергей Смирнов написал не это много. Во второй его книге всего 28 стихотворений. Но в них есть что-то, что делает в поэзии юморист, волунт, раздует. Поэт только на раззороте своих творческих возможностей.

В стихотворении «Откровенный разговор», одном из лучших в книге, есть строки, как бы обращённые к самому себе в минуты глубокого раздумья:

«И сию минуту, друг мой мыслей,
Никогда мало Родину любить:
Надо, чтобы она тебя любила.
А таким это не просто стать и быть!»

Творчество автора книги «От первого лица» убеждает в том, что поэт перед нами талантливый поэт, хорошо чувствующий пульс советской жизни.

Г. АВРАМОВ

ШАХМАТЫ

В № 17 «Смены» сообщалось о соревновании по шахматам на национальном чемпионате. Завершивший третью место гроссмейстер СССР И. Болеславский выиграл спешную партию (турнир призы за красивую партию, которую он выиграл у Л. Штейнера (Австралия)).

Приводим эту партию с примечаниями гроссмейстера В. Смысlova.

СИНИЦИНСКАЯ ПАРТИЯ

И. Болеславский — Л. Штейнер

1. e2-e4 c7—e5 2. Kg1—f3 Kg8—c3 3. g2-g4 c5—d4 4. Rf1—d4 Kg8—f6 5. Kg1—c3 d7—g6 6. S1—c2 f7—d6 7. Kf2—e1 Kg7—f5 8. Cc1—b2 Kf7—c5 (Чёрные, видимо, забыли увести коня из-под белых). 9. Kd3—c2 Kc5—b6 10. Kc2—b1 Sf5—g7 11. Sd1—c3 Kg6—f4 12. Kf1—e1 Sg7—f5 13. Lf1—g1 Fd4—F5+ получила сильную атаку. Ошибкой было не сыграть 10... Kd7—c6, а 10... Kd7—c5 ответить 10... b5 с обходными шансами. Поэтому Болеславский не стал играть 10... Kd7—c6, а сыграл на с4. В партии Ласперс с Пирсом, сыгранной в Москве в 1935 году, встречалась эта позиция. Ласперс сыграл 10... Kd7—c6, а Пирс 11. S.c4 F:d4 12. fe 13... L:f6 14. Kf1—e1 F:c4 15. Kd1—c2 F:c3 16. Kc2—b1 F:b3 17. Kd1—c2 F:b2 18. Kc2—b1 F:b1 19. Kd1—c2 F:b0 20. Kc2—b1 F:b1 21. K:Kb1 22. Kd1—c2 F:b0 23. Kd1—c2 F:b1 24. Sf3—g5 (Сб3—b5 25. F:g3—h3 ... (тем самым зафиксирована позиция полноправной ферзи на с5). 25... Sf5—e4 26. Kg5—f7 27. Kf7—e7 28. Lf7—e7 29. Kf7—e7 30. L:e7 31. Kf7—d7 32. Ld7—e7 33. Kf7—d7 34. Ld7—e7 35. Kf7—d7 36. Ld7—e7 37. Kf7—d7 38. Ld7—e7 39. Kf7—d7 40. Ld7—e7 41. Kf7—d7 42. Ld7—e7 43. Kf7—d7 44. Ld7—e7 45. Kf7—d7 46. Ld7—e7 47. Kf7—d7 48. Ld7—e7 49. Kf7—d7 50. Ld7—e7 51. Kf7—d7 52. Ld7—e7 53. Kf7—d7 54. Ld7—e7 55. Kf7—d7 56. Ld7—e7 57. Kf7—d7 58. Ld7—e7 59. Kf7—d7 60. Ld7—e7 61. Kf7—d7 62. Ld7—e7 63. Kf7—d7 64. Ld7—e7 65. Kf7—d7 66. Ld7—e7 67. Kf7—d7 68. Ld7—e7 69. Kf7—d7 70. Ld7—e7 71. Kf7—d7 72. Ld7—e7 73. Kf7—d7 74. Ld7—e7 75. Kf7—d7 76. Ld7—e7 77. Kf7—d7 78. Ld7—e7 79. Kf7—d7 80. Ld7—e7 81. Kf7—d7 82. Ld7—e7 83. Kf7—d7 84. Ld7—e7 85. Kf7—d7 86. Ld7—e7 87. Kf7—d7 88. Ld7—e7 89. Kf7—d7 90. Ld7—e7 91. Kf7—d7 92. Ld7—e7 93. Kf7—d7 94. Ld7—e7 95. Kf7—d7 96. Ld7—e7 97. Kf7—d7 98. Ld7—e7 99. Kf7—d7 100. Ld7—e7 101. Kf7—d7 102. Ld7—e7 103. Kf7—d7 104. Ld7—e7 105. Kf7—d7 106. Ld7—e7 107. Kf7—d7 108. Ld7—e7 109. Kf7—d7 110. Ld7—e7 111. Kf7—d7 112. Ld7—e7 113. Kf7—d7 114. Ld7—e7 115. Kf7—d7 116. Ld7—e7 117. Kf7—d7 118. Ld7—e7 119. Kf7—d7 120. Ld7—e7 121. Kf7—d7 122. Ld7—e7 123. Kf7—d7 124. Ld7—e7 125. Kf7—d7 126. Ld7—e7 127. Kf7—d7 128. Ld7—e7 129. Kf7—d7 130. Ld7—e7 131. Kf7—d7 132. Ld7—e7 133. Kf7—d7 134. Ld7—e7 135. Kf7—d7 136. Ld7—e7 137. Kf7—d7 138. Ld7—e7 139. Kf7—d7 140. Ld7—e7 141. Kf7—d7 142. Ld7—e7 143. Kf7—d7 144. Ld7—e7 145. Kf7—d7 146. Ld7—e7 147. Kf7—d7 148. Ld7—e7 149. Kf7—d7 150. Ld7—e7 151. Kf7—d7 152. Ld7—e7 153. Kf7—d7 154. Ld7—e7 155. Kf7—d7 156. Ld7—e7 157. Kf7—d7 158. Ld7—e7 159. Kf7—d7 160. Ld7—e7 161. Kf7—d7 162. Ld7—e7 163. Kf7—d7 164. Ld7—e7 165. Kf7—d7 166. Ld7—e7 167. Kf7—d7 168. Ld7—e7 169. Kf7—d7 170. Ld7—e7 171. Kf7—d7 172. Ld7—e7 173. Kf7—d7 174. Ld7—e7 175. Kf7—d7 176. Ld7—e7 177. Kf7—d7 178. Ld7—e7 179. Kf7—d7 180. Ld7—e7 181. Kf7—d7 182. Ld7—e7 183. Kf7—d7 184. Ld7—e7 185. Kf7—d7 186. Ld7—e7 187. Kf7—d7 188. Ld7—e7 189. Kf7—d7 190. Ld7—e7 191. Kf7—d7 192. Ld7—e7 193. Kf7—d7 194. Ld7—e7 195. Kf7—d7 196. Ld7—e7 197. Kf7—d7 198. Ld7—e7 199. Kf7—d7 200. Ld7—e7 201. Kf7—d7 202. Ld7—e7 203. Kf7—d7 204. Ld7—e7 205. Kf7—d7 206. Ld7—e7 207. Kf7—d7 208. Ld7—e7 209. Kf7—d7 210. Ld7—e7 211. Kf7—d7 212. Ld7—e7 213. Kf7—d7 214. Ld7—e7 215. Kf7—d7 216. Ld7—e7 217. Kf7—d7 218. Ld7—e7 219. Kf7—d7 220. Ld7—e7 221. Kf7—d7 222. Ld7—e7 223. Kf7—d7 224. Ld7—e7 225. Kf7—d7 226. Ld7—e7 227. Kf7—d7 228. Ld7—e7 229. Kf7—d7 230. Ld7—e7 231. Kf7—d7 232. Ld7—e7 233. Kf7—d7 234. Ld7—e7 235. Kf7—d7 236. Ld7—e7 237. Kf7—d7 238. Ld7—e7 239. Kf7—d7 240. Ld7—e7 241. Kf7—d7 242. Ld7—e7 243. Kf7—d7 244. Ld7—e7 245. Kf7—d7 246. Ld7—e7 247. Kf7—d7 248. Ld7—e7 249. Kf7—d7 250. Ld7—e7 251. Kf7—d7 252. Ld7—e7 253. Kf7—d7 254. Ld7—e7 255. Kf7—d7 256. Ld7—e7 257. Kf7—d7 258. Ld7—e7 259. Kf7—d7 260. Ld7—e7 261. Kf7—d7 262. Ld7—e7 263. Kf7—d7 264. Ld7—e7 265. Kf7—d7 266. Ld7—e7 267. Kf7—d7 268. Ld7—e7 269. Kf7—d7 270. Ld7—e7 271. Kf7—d7 272. Ld7—e7 273. Kf7—d7 274. Ld7—e7 275. Kf7—d7 276. Ld7—e7 277. Kf7—d7 278. Ld7—e7 279. Kf7—d7 280. Ld7—e7 281. Kf7—d7 282. Ld7—e7 283. Kf7—d7 284. Ld7—e7 285. Kf7—d7 286. Ld7—e7 287. Kf7—d7 288. Ld7—e7 289. Kf7—d7 290. Ld7—e7 291. Kf7—d7 292. Ld7—e7 293. Kf7—d7 294. Ld7—e7 295. Kf7—d7 296. Ld7—e7 297. Kf7—d7 298. Ld7—e7 299. Kf7—d7 300. Ld7—e7 301. Kf7—d7 302. Ld7—e7 303. Kf7—d7 304. Ld7—e7 305. Kf7—d7 306. Ld7—e7 307. Kf7—d7 308. Ld7—e7 309. Kf7—d7 310. Ld7—e7 311. Kf7—d7 312. Ld7—e7 313. Kf7—d7 314. Ld7—e7 315. Kf7—d7 316. Ld7—e7 317. Kf7—d7 318. Ld7—e7 319. Kf7—d7 320. Ld7—e7 321. Kf7—d7 322. Ld7—e7 323. Kf7—d7 324. Ld7—e7 325. Kf7—d7 326. Ld7—e7 327. Kf7—d7 328. Ld7—e7 329. Kf7—d7 330. Ld7—e7 331. Kf7—d7 332. Ld7—e7 333. Kf7—d7 334. Ld7—e7 335. Kf7—d7 336. Ld7—e7 337. Kf7—d7 338. Ld7—e7 339. Kf7—d7 340. Ld7—e7 341. Kf7—d7 342. Ld7—e7 343. Kf7—d7 344. Ld7—e7 345. Kf7—d7 346. Ld7—e7 347. Kf7—d7 348. Ld7—e7 349. Kf7—d7 350. Ld7—e7 351. Kf7—d7 352. Ld7—e7 353. Kf7—d7 354. Ld7—e7 355. Kf7—d7 356. Ld7—e7 357. Kf7—d7 358. Ld7—e7 359. Kf7—d7 360. Ld7—e7 361. Kf7—d7 362. Ld7—e7 363. Kf7—d7 364. Ld7—e7 365. Kf7—d7 366. Ld7—e7 367. Kf7—d7 368. Ld7—e7 369. Kf7—d7 370. Ld7—e7 371. Kf7—d7 372. Ld7—e7 373. Kf7—d7 374. Ld7—e7 375. Kf7—d7 376. Ld7—e7 377. Kf7—d7 378. Ld7—e7 379. Kf7—d7 380. Ld7—e7 381. Kf7—d7 382. Ld7—e7 383. Kf7—d7 384. Ld7—e7 385. Kf7—d7 386. Ld7—e7 387. Kf7—d7 388. Ld7—e7 389. Kf7—d7 390. Ld7—e7 391. Kf7—d7 392. Ld7—e7 393. Kf7—d7 394. Ld7—e7 395. Kf7—d7 396. Ld7—e7 397. Kf7—d7 398. Ld7—e7 399. Kf7—d7 400. Ld7—e7 401. Kf7—d7 402. Ld7—e7 403. Kf7—d7 404. Ld7—e7 405. Kf7—d7 406. Ld7—e7 407. Kf7—d7 408. Ld7—e7 409. Kf7—d7 410. Ld7—e7 411. Kf7—d7 412. Ld7—e7 413. Kf7—d7 414. Ld7—e7 415. Kf7—d7 416. Ld7—e7 417. Kf7—d7 418. Ld7—e7 419. Kf7—d7 420. Ld7—e7 421. Kf7—d7 422. Ld7—e7 423. Kf7—d7 424. Ld7—e7 425. Kf7—d7 426. Ld7—e7 427. Kf7—d7 428. Ld7—e7 429. Kf7—d7 430. Ld7—e7 431. Kf7—d7 432. Ld7—e7 433. Kf7—d7 434. Ld7—e7 435. Kf7—d7 436. Ld7—e7 437. Kf7—d7 438. Ld7—e7 439. Kf7—d7 440. Ld7—e7 441. Kf7—d7 442. Ld7—e7 443. Kf7—d7 444. Ld7—e7 445. Kf7—d7 446. Ld7—e7 447. Kf7—d7 448. Ld7—e7 449. Kf7—d7 450. Ld7—e7 451. Kf7—d7 452. Ld7—e7 453. Kf7—d7 454. Ld7—e7 455. Kf7—d7 456. Ld7—e7 457. Kf7—d7 458. Ld7—e7 459. Kf7—d7 460. Ld7—e7 461. Kf7—d7 462. Ld7—e7 463. Kf7—d7 464. Ld7—e7 465. Kf7—d7 466. Ld7—e7 467. Kf7—d7 468. Ld7—e7 469. Kf7—d7 470. Ld7—e7 471. Kf7—d7 472. Ld7—e7 473. Kf7—d7 474. Ld7—e7 475. Kf7—d7 476. Ld7—e7 477. Kf7—d7 478. Ld7—e7 479. Kf7—d7 480. Ld7—e7 481. Kf7—d7 482. Ld7—e7 483. Kf7—d7 484. Ld7—e7 485. Kf7—d7 486. Ld7—e7 487. Kf7—d7 488. Ld7—e7 489. Kf7—d7 490. Ld7—e7 491. Kf7—d7 492. Ld7—e7 493. Kf7—d7 494. Ld7—e7 495. Kf7—d7 496. Ld7—e7 497. Kf7—d7 498. Ld7—e7 499. Kf7—d7 500. Ld7—e7 501. Kf7—d7 502. Ld7—e7 503. Kf7—d7 504. Ld7—e7 505. Kf7—d7 506. Ld7—e7 507. Kf7—d7 508. Ld7—e7 509. Kf7—d7 510. Ld7—e7 511. Kf7—d7 512. Ld7—e7 513. Kf7—d7 514. Ld7—e7 515. Kf7—d7 516. Ld7—e7 517. Kf7—d7 518. Ld7—e7 519. Kf7—d7 520. Ld7—e7 521. Kf7—d7 522. Ld7—e7 523. Kf7—d7 524. Ld7—e7 525. Kf7—d7 526. Ld7—e7 527. Kf7—d7 528. Ld7—e7 529. Kf7—d7 530. Ld7—e7 531. Kf7—d7 532. Ld7—e7 533. Kf7—d7 534. Ld7—e7 535. Kf7—d7 536. Ld7—e7 537. Kf7—d7 538. Ld7—e7 539. Kf7—d7 540. Ld7—e7 541. Kf7—d7 542. Ld7—e7 543. Kf7—d7 544. Ld7—e7 545. Kf7—d7 546. Ld7—e7 547. Kf7—d7 548. Ld7—e7 549. Kf7—d7 550. Ld7—e7 551. Kf7—d7 552. Ld7—e7 553. Kf7—d7 554. Ld7—e7 555. Kf7—d7 556. Ld7—e7 557. Kf7—d7 558. Ld7—e7 559. Kf7—d7 560. Ld7—e7 561. Kf7—d7 562. Ld7—e7 563. Kf7—d7 564. Ld7—e7 565. Kf7—d7 566. Ld7—e7 567. Kf7—d7 568. Ld7—e7 569. Kf7—d7 570. Ld7—e7 571. Kf7—d7 572. Ld7—e7 573. Kf7—d7 574. Ld7—e7 575. Kf7—d7 576. Ld7—e7 577. Kf7—d7 578. Ld7—e7 579. Kf7—d7 580. Ld7—e7 581. Kf7—d7 582. Ld7—e7 583. Kf7—d7 584. Ld7—e7 585. Kf7—d7 586. Ld7—e7 587. Kf7—d7 588. Ld7—e7 589. Kf7—d7 590. Ld7—e7 591. Kf7—d7 592. Ld7—e7 593. Kf7—d7 594. Ld7—e7 595. Kf7—d7 596. Ld7—e7 597. Kf7—d7 598. Ld7—e7 599. Kf7—d7 600. Ld7—e7 601. Kf7—d7 602. Ld7—e7 603. Kf7—d7 604. Ld7—e7 605. Kf7—d7 606. Ld7—e7 607. Kf7—d7 608. Ld7—e7 609. Kf7—d7 610. Ld7—e7 611. Kf7—d7 612. Ld7—e7 613. Kf7—d7 614. Ld7—e7 615. Kf7—d7 616. Ld7—e7 617. Kf7—d7 618. Ld7—e7 619. Kf7—d7 620. Ld7—e7 621. Kf7—d7 622. Ld7—e7 623. Kf7—d7 624. Ld7—e7 625. Kf7—d7 626. Ld7—e7 627. Kf7—d7 628. Ld7—e7 629. Kf7—d7 630. Ld7—e7 631. Kf7—d7 632. Ld7—e7 633. Kf7—d7 634. Ld7—e7 635. Kf7—d7 636. Ld7—e7 637. Kf7—d7 638. Ld7—e7 639. Kf7—d7 640. Ld7—e7 641. Kf7—d7 642. Ld7—e7 643. Kf7—d7 644. Ld7—e7 645. Kf7—d7 646. Ld7—e7 647. Kf7—d7 648. Ld7—e7 649. Kf7—d7 650. Ld7—e7 651. Kf7—d7 652. Ld7—e7 653. Kf7—d7 654. Ld7—e7 655. Kf7—d7 656. Ld7—e7 657. Kf7—d7 658. Ld7—e7 659. Kf7—d7 660. Ld7—e7 661. Kf7—d7 662. Ld7—e7 663. Kf7—d7 664. Ld7—e7 665. Kf7—d7 666. Ld7—e7 667. Kf7—d7 668. Ld7—e7 669. Kf7—d7 670. Ld7—e7 671. Kf7—d7 672. Ld7—e7 673. Kf7—d7 674. Ld7—e7 675. Kf7—d7 676. Ld7—e7 677. Kf7—d7 678. Ld7—e7 679. Kf7—d7 680. Ld7—e7 681. Kf7—d7 682. Ld7—e7 683. Kf7—d7 684. Ld7—e7 685. Kf7—d7 686. Ld7—e7 687. Kf7—d7 688. Ld7—e7 689. Kf7—d7 690. Ld7—e7 691. Kf7—d7 692. Ld7—e7 693. Kf7—d7 694. Ld7—e7 695. Kf7—d7 696. Ld7—e7 697. Kf7—d7 698. Ld7—e7 699. Kf7—d7 700. Ld7—e7 701. Kf7—d7 702. Ld7—e7 703. Kf7—d7 704. Ld7—e7 705. Kf7—d7 706. Ld7—e7 707. Kf7—d7 708. Ld7—e7 709. Kf7—d7 710. Ld7—e7 711. Kf7—d7 712. Ld7—e7 713. Kf7—d7 714. Ld7—e7 715. Kf7—d7 716. Ld7—e7 717. Kf7—d7 718. Ld7—e7 719. Kf7—d7 720. Ld7—e7 721. Kf7—d7 722. Ld7—e7 723. Kf7—d7 724. Ld7—e7 725. Kf7—d7 726. Ld7—e7 727. Kf7—d7 728. Ld7—e7 729. Kf7—d7 730. Ld7—e7 731. Kf7—d7 732. Ld7—e7 733. Kf7—d7 734. Ld7—e7 735. Kf7—d7 736. Ld7—e7 737. Kf7—d7 738. Ld7—e7 739. Kf7—d7 740. Ld7—e7 741. Kf7—d7 742. Ld7—e7 743. Kf7—d7 744. Ld7—e7 745. Kf7—d7 746. Ld7—e7 747. Kf7—d7 748. Ld7—e7 749. Kf7—d7 750. Ld7—e7 751. Kf7—d7 752. Ld7—e7 753. Kf7—d7 754. Ld7—e7 755. Kf7—d7 756. Ld7—e7 757. Kf7—d7 758. Ld7—e7 759. Kf7—d7 760. Ld7—e7 761. Kf7—d7 762. Ld7—e7 763. Kf7—d7 764. Ld7—e7 765. Kf7—d7 766. Ld7—e7 767. Kf7—d7 768. Ld7—e7 769. Kf7—d7 770. Ld7—e7 771. Kf7—d7 772. Ld7—e7 773. Kf7—d7 774. Ld7—e7 775. Kf7—d7 776. Ld7—e7 777. Kf7—d7 778. Ld7—e7 779. Kf7—d7 780. Ld7—e7 781. Kf7—d7 782. Ld7—e7 783. Kf7—d7 784. Ld7—e7 785. Kf7—d7 786. Ld7—e7 787. Kf7—d7 788. Ld7—e7 789. Kf7—d7 790. Ld7—e7 791. Kf7—d7 792. Ld7—e7 793. Kf7—d7 794. Ld7—e7 795. Kf7—d7 796. Ld7—e7 797. Kf7—d7 798. Ld7—e7 799. Kf7—d7 800. Ld7—e7 801. Kf7—d7 802. Ld7—e7 803. Kf7—d7 804. Ld7—e7 805. Kf7—d7 806. Ld7—e7 807. Kf7—d7 808. Ld7—e7 809. Kf7—d7 810. Ld7—e7 811. Kf7—d7 812. Ld7—e7 813. Kf7—d7 814. Ld7—e7 815. Kf7—d7 816. Ld7—e7 817. Kf7—d7 818. Ld7—e7 819. Kf7—d7 820. Ld7—e7 821. Kf7—d7 822. Ld7—e7 823. Kf7—d7 824. Ld7—e7 825. Kf7—d7 826. Ld7—e7 827. Kf7—d7 828. Ld7—e7 829. Kf7—d7 830. Ld7—e7 831. Kf7—d7 832. Ld7—e7 833. Kf7—d7 834. Ld7—e7 835. Kf7—d7 836. Ld7—e7 837. Kf7—d7 838. Ld7—e7 839. Kf7—d7 840. Ld7—e7 841. Kf7—d7 842. Ld7—e7 843. Kf7—d7 844. Ld7—e7 845. Kf7—d7 846. Ld7—e7 847. Kf7—d7 848. Ld7—e7 849. Kf7—d7 850. Ld7—e7 851. Kf7—d7 852. Ld7—e7 853. Kf7—d7 854. Ld7—e7 855. Kf7—d7 856. Ld7—e7 857. Kf7—d7 858. Ld7—e7 859. Kf7—d7 860. Ld7—e7 861. Kf7—d7 862. Ld7—e7 863. Kf7—d7 864. Ld7—e7 865. Kf7—d7 866. Ld7—e7 867. Kf7—d7 868. Ld7—e7 869. Kf7—d7 870. Ld7—e7 871. Kf7—d7 872. Ld7—e7 873. Kf7—d7 874. Ld7—e7 875. Kf7—d7

ПЕРВАЯ РУССКАЯ МАРКСИСТСКАЯ ГРУППА

6 Это группа появилась в сентябре 1883 года, 65 лет назад. Называлась она «Освобождение труда». Органом группы был В. Плеханов, в Женеве, куда он вынужден был уехать от преследования российского правительства за революционную деятельность.

В состав этой первой русской марксистской группы, помимо Плеханова, вошли: Н. Аксельрод, В. Засулич, Л. Дейн и И. Ильин.

Чтобы понять роль группы «Освобождение труда» в русском революционном движении, необходимо вспомнить, что до появления марксистской группы революционные работы в России вели народники, являвшиеся пропагандистами марксизма. Плеханов сам был ранее народником. Но в эмиграции он покинул народничество и перешел к народничеству, становясь пропагандистом марксизма.

Больни заслуги плехановской группы «Освобождение труда» в деле пропаганды марксизма и основания социал-демократии в России. Эта группа первые перевела на русский язык и тайно распространяла труды К. Маркса и Ф. Энгельса — «Манифест Коммунистической партии», «Найманный труд и капитал», а также другие труды от утопии к науке и другие. Широко распространялись также работы Плеханова и других членов группы, в которых формулировались идеи научного социализма.

В то время в России не было социал-демократического движения. Среди передовых рабочих и революционно настроенным интеллигентам, кроме исходившего от марксистского представления о том, что крестьянские «бунты» и индивидуальные героические подвиги рабочих и помещиков. Эти временные для революции взгляды были результатом того, что рабочие почвы «закономерно» убывают и борются с этим явлениям невозможны. Тогда Плеханов ясно понимал, что вмешательство человека, совершенных устрашения опасности убывания рабочих сил, в конечном итоге для поддержания существования плюдородия Вильямса предполагает трапезономическую систему.

Это было первое проявление неизбывной структуры поисковым ярдом марксистов: поиски цели и метода для достижения ее.

Плехановская группа «Освобождение труда» состояла из двух проекта программы: революционной социал-демократии.

Это было очень важное шаг для подготовки создания марксистской социал-демократической партии в России.

Однако при всех заслугах группы у нее были и серьезные ошибки: остатки народнических взглядов, недостаточная практическая подготовка избираторов буржуазии. Эти ошибки были зародышем будущих марксистских взглядов Плеханова и других членов группы.

В 90-х годах идеяный разрыв

народничества завершился. В. И. Ленин

Организовал группу «Союз марксистов».

Ильин писал, что она «лица теоретической основала социал-демократию в стране, а не идеи, выработанные рабочими из рабочего класса».

В 1903 году Ильин стал организатором первого рабочего Тифлисской академии. Он преподавал на ней и в дальнейшем

Календарь «Смены»

Академик В. Вильямс.

УЧЕНЫЙ-ПОЧВОВЕД

9 Девятого октября исполнилось 85 лет со дня рождения замечательного советского учёного Б. Р. Вильямса. С 1893 года до смерти в 1978 году, В. Р. Вильямс занимался разнообразными проблемами земеделия и почвоведения сельскохозяйственной Тимирязевской академии и в ее научном скамье Вильямс проявил огромные способности и стремление или самоотверженности, или даже пренебрежения к «честности», как бы высоки они не стояли. Он смело заявлял о лже-науконости и вредности псевдопочвоведения, что предводитель почвы «закономерно» убывает и борется с этим явлением невозможен.

Тогда Плеханов ясно понимал, что вмешательство человека, совершенных устрашения опасности убывания рабочих сил, в конечном итоге для поддержания существования плюдородия Вильямса предполагает трапезономическую систему.

Это было первое проявление неизбывной структуры поисковым ярдом марксистов: поиски цели и метода для достижения ее.

Плехановская группа «Освобождение труда» состояла из двух проекта программы: революционной социал-демократии.

Это было очень важное шаг для подготовки создания марксистской социал-демократической партии в России.

Однако при всех заслугах группы у нее были и серьезные ошибки: остатки народнических взглядов, недостаточная практическая подготовка избираторов буржуазии. Эти ошибки были зародышем будущих марксистских взглядов Плеханова и других членов группы.

В 90-х годах идеяный разрыв

народничества завершился. В. И. Ленин

Организовал группу «Союз марксистов».

Ильин писал, что она «лица теоретической основала социал-демократию в стране, а не идеи, выработанные рабочими из рабочего класса».

В 1903 году Ильин стал организатором первого рабочего Тифлисской академии. Он преподавал на ней и в дальнейшем

выработавшихся многих выдающихся деятелей отечественного земеделия.

С первых дней советской власти Вильямс стал на сторону большого количества выдающихся землевладельцев и почвоведов, вынужденной борьбы с реакционно настроенным учёными. В различные годы он был вынужден выступать против землевладельцев и землевладельческой пропаганды Вильямсом, продолжается и теперь. У гравированных систем земеделия и сельского хозяйства, включая тех, кто работает перед иностранными авторитетами.

Создание учреждений передового землевладения книги Вильямса уже стала достоянием колхозовиков, и первых земельных прорабатователей природы. А же мнение Вильямса очевидно хорошо характеризуется неким трактористом Дмитрием Пашковым в радиоэфире газеты «Правда Украины».

«Читая эту книгу», — пишет Д. Пашков, — я вспоминаю, что членами, будто у меня кто-то с глаз вынимал, сказывает: Когда я начал применять методы земельной обработки, то земельники, а потом землевладельцы, плюхнувшись, неизвестно как, будто в мою ногу нахлесталася В. Р. Вильямс, залегла кинетическая масса фармацевтических средств, которые я не имел возможности ясно видеть, но нутро обрабатываемой ямки земли этой вспаханной земельной массой...».

«И кто же переделал почвы, как мы, трактористы, воспитанные властью, партией, товариществом Сталинграда, дальше Панченко... И я тут теперь понимаю, что почва обрабатывается не только тракторами, но и различными химическими, физическими орудиями, и корней смесей многоглетних трав...».

Следует отметить, что В. Р. Вильямс иногда шутя говорил студентам: «Почвоведение — это основа жизни, это основа за любовь, мы должны предложить ее всем познавать почву».

Почва, на которой в нашей стране строится наука. Многие учёные, в том числе Лысенко, Смирнова, и многие другие хромосомисты не могут заслуженно претендовать на звание реальной японской науки, горюча, которую всю жизнь был учёный-большевик В. Р. Вильямс.

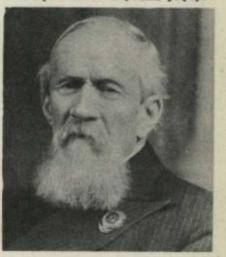
КРУПНЕЙШИЙ РУССКИЙ ГЕОЛОГ

Если посмотреть на карту экспедиции В. А. Обручева, просто не верится, что один человек смог пройти такую грандиозную территорию. Густо запятнанная пузырьками Каря-Кум: учёный изучил стурманский краёвый детальностью, такая же широтами проходит Диагональ, Забайкалье, Кульдук, озеро Куженор, города Бийск, Алтай-Балтар — все они из маркировок академии Обручева из тапи-

тровских стран, геологическое строение которых до Обручева никто не знал.

Первая печатная работа учёного, получившая серебряную медаль Русского географического общества. Груз «Земли Сибири» и географический очерк был удостоен уже золотой медали этого Общества. Непримкая Азия произвела на него огромное впечатление и ему очень хотелось исследовать эту страну, краеводческую. С 1893 года Обручев открыл обработку Сибири в качестве единонравного штатного геолога Тимирязевской академии. Тогда же научные материалы сюда входили и из Красноярска, Томска, Иркутска, Улан-Удэ, из различных Обручевых, и важнейшие схемы распределения рудников месторождений в Сибири.

За свою труженическую монографию «Земли Сибири» В. А. Обручев был удостоен Стальной премии. Он написал свыше четырёхсот научных трудов, более тысячи трехсот научных работ, в том числе и «Четыре тысячи научных рефератов».

Академик В. А. Обручев.

9 С 1929 года В. А. Обручев — действительный член Академии СССР.

Примечательны выдающиеся Обручевы, всегда ставившие им на очень большую высоту. Оценки всех его научных работ, которых нет ни в одном из научных журналов, всегда ставились им на очень большую высоту. Оценки всех его научных работ, которых нет ни в одном из научных журналов, всегда ставились им на очень большую высоту. Оценки всех его научных работ, которых нет ни в одном из научных журналов, всегда ставились им на очень большую высоту. Оценки всех его научных работ, которых нет ни в одном из научных журналов, всегда ставились им на очень большую высоту.

Интересно, что письмо самого Обручева, написанное в 1938 году, и в котором он пишет: «Мне неизвестно, каким образом я мог попасть в кафедрой будущих месторождений, ведь я доказал геологоразведочного факультета».

Обручев — только учёный, но и известный писатель. Большой популярностью пользуются романы «Легенда о золотом ореле» и «Санинков». Кроме того Владимира Афанасьевичем написаны еще романы «Гулубь забытой» и «Золотые птицы».

Интересно, что письмо самого Обручева, написанное в 1938 году, и в котором он пишет: «Мне неизвестно, каким образом я мог попасть в кафедрой будущих месторождений, ведь я доказал геологоразведочного факультета».

Десятого октября погиб от рака учёный, геолог, один из пионеров геологии Сибири, Владимир Афанасьевич Обручев.

ОКТЯБРЬ

